

Артефакт & Детектив

Екатерина Лесина
Улыбка золотого бога

«ЭКСМО»

2009

Лесина Е.

Улыбка золотого бога / Е. Лесина — «Эксмо»,
2009 — (Артефакт & Детектив)

Почти все члены советской экспедиции в Монголии погибли, и местные жители сочли, что это потревоженные духи отомстили за поруганную гробницу. В Москву была привезена только странная статуэтка божества по имени Толстый Пта. Так возобновилась череда несчастий... Много лет Дуся любила Игоря Громова, но он не замечал этого и менял жен одну за другой. Только после его смерти выяснилось, что Игорь все же ценил Дусю, ведь именно ей он оставил золотого божка, много лет хранившегося в его семье... Бывшие жены могли получить свою часть наследства, только если вычислят убийцу – это явно одна из них, ведь мотив имелся у каждой. Женщины сочли, что причины избавиться от старого друга и несостоявшегося любовника были у Дуси, и дело не только в ушедшей любви, но и в Толстом Пта...

© Лесина Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Дуся	6
Ильве	9
Дуся	10
Лизхен	12
Дуся	13
Алла	15
Дуся	16
Ника	18
Дуся	19
Топочка	21
Яков	25
Алла	27
Яков	28
Топа	29
Яков	30
Лизхен	31
Яков	32
Ника	34
Яков	35
Ильве	37
Дуся	41
Алла	44
Дуся	45
Ника	47
Дуся	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Екатерина Лесина

Улыбка золотого бога

То не ветер по степи летит, то конь Унур-хана по-над травами стелется, копытами землю бьет, несет всадника быстрой стрелы и мысли быстрой. То не гром гремит, то конники Унуровы следом идут, оружны и доспешны, и горе тому, кого на пути своем встретят. И то не море перед ними – степь бескрайняя, травами укутанная, солнцем обласканная, неба необъятнее, воли вольнее. И сидит хан в седле, подбочившись, смотрит вперед да любит. Радостно сердце его свободой и милостью богов, что дали ему и коня, и воинов, а пище всего – Туяацэцэг-синеокою, Туяацэцэг-круглоликою, Туяацэцэг-красавицу, жену разлюбимую. Куда ни пойдет хан – а с нею сердце остается, в руках ее ласковых, в заботе да тиши.

И хочется жить, и хочется петь, и кричать ветру навстречу, что вот оно – счастье человеческое. Но молчит хан, лишь улыбается, да пище прежнего коня понукает. Лети, лети, каурый, неси хозяина туда, где небо подол спустило, сомни копытами твердь, взлети на небосвод, чтоб не золота-серебра, не шелку да парчи, не рабов с рабынями, а звезд собрать для Туяацэцэг...

Вот чудится – вздрогнула земля и вверх подалась, к небу выталкивая, и тут же, коварная, вниз ушла. И, оступившись, упал каурый, всадника придавил, да долго встать не мог, а как встал, увидели все: забрали боги хана, но легкую смерть подарили. С улыбкою ушел Унур.

То не птица в степи поет, то плачет горько Туяацэцэг-синеглазая, Туяацэцэг-круглоликая, о доле вдовьей, о муже ушедшем, о сердце разбитом. То не солнце, путь свой забыв, светом в ночи разлилось, то костры пылают, в честь хана ушедшего зажженные. То не грозные великаны землю разодрали, то раскрыли нутро ее для хана, чтоб схоронить по чести и достоинству. Но не позволит Туяацэцэг мужу своему одиноким за край мира идти, не останется жизнь доживать и горе горевать.

Живою вошла она в дом мертвый, велела одевать себя в наряды смертные, взяла все то, что ханом было дарено, а еще того, что шаманами дадено, и многого другого взяла, ибо мудра была Туяацэцэг – поди угадай, что в новом мире сгодится. И приняла она от людей дар последний – чашу с зельем травяным. Рабыням дала и сама выпила: пусть примут боги сей дар, пусть будут милосердны, вернув ей мужа.

Дурманят травы ласковыми снами, веки тяготят, грудь сдавливают, и вот уже не спит Туяацэцэг. Видится ей не утроба земляная, а степь необъятная, степь бесконечная, серебром лунных трав расшитая. И будто бы шепчут они ласково, за собою зовут, и будто бы видятся следы копыт, а вдали, у самого горизонта, и конь замер. Черен он, грива в землю, а сбруя золотом да камнями сияет. Но не на них глядит Туяацэцэг – на всадника, что сидит в седле подбоченья, плетку на бок свесивши, и улыбается по-доброму.

– Здравствуй, Туяацэцэг, – сказал хан, руки протягивая. Обнял крепко, поцеловал да к себе прижал, чтоб никогда уже не отпустить.

И снова летит конь, стелется по-над травами, тянется к горизонту, норовя поправить копытами твердь небесную, и вот-вот взберется к звездам да месяцу, что посверкивает хилым серпиком... Бесконечна степь, и бег бесконечен. И счастлива Туяацэцэг, а вместе с нею – Унур-хан, в ладони звезду сжимающий.

Дуся

Кто же из них? Кто?

Кто-кто-кто – стучится в висках мелкой дробью, кто-кто – бухает сердце. Кто? – скручивается ледяная спираль в животе. И от страха и оттого, что бояться утомительно, мне хочется спать. То есть спать мне хочется почти всегда, но сегодня особенно. Зеваю. Получается вызывающе нарочито, и мои дамочки брезгливо морщатся.

– Милая моя, с тобой все в порядке? – поинтересовалась Алла.

Правильно она сказала про порядок: по порядку их надо выстраивать, по ранжиру. По хронологии. И первой будет как раз она, Алла. Нет, сначала Аллочка, милая и застенчивая. Коса до пояса, васильковые глаза, в которых плескался восторг и робкое, стыдливое счастье, и оттого глядеть в них было страшно – а вдруг да выплеснется и затопит? Утонуть в чужом счастье – что может быть отвратительнее?

Аллочка – платье из набивного сатина и искусственного шелка, украшенные искусственными же цветами, и круглые, с ладонь, броши, вроде бы с разным рисунком, но все почему-то похожие друг на друга, как близнецы. Аллочка – польские духи и жирные тени, скатывавшиеся к уголкам глаз. Аллочка... Аллочка давно исчезла, сначала уступила место Алле – строгой и деловой, потом Алле Сергеевне. Эта-то конченная стерва – короткая стрижка резких линий, галстук-удавка с красным пятном рубина и перстень-печатка. Алла Сергеевна не любит яркого света, потому и место выбрала у стены, где самый сумрак, еще и в профиль повернуться норовит, чтоб в глаза не смотреть.

Теперь мне вдруг интересно, куда счастье-то делось – то самое, что пугало когда-то.

Хотя знаю: счастье украла Вероника, мой номер два. Имени своего она не любит, ей больше нравится Ника. Ника – это победа, и девушка у нас победительница. Сначала школьного конкурса красоты, потом городского, потом районного, потом... потом она увидела Гарика и победила еще и его, он-то, наивный, полагал обратное, но я знаю правду.

Ника доминирует даже здесь, даже сейчас. Место во главе стола – плевать, что из приборов на столешнице лишь ваза с вялыми хризантемами отвратного желтого цвета и хрустальная пепельница, плевать, что за столом сижу лишь я и Топочка. Ника все равно во главе. Вполоборота: высокий лоб, скулы-треугольники, нос чуть длинноват, а губы – полноваты, выпячены, зато подбородок идеален, и линия шеи, и бюст, и... и завидую я ей. Я им всем немного завидую.

– Что? – Ника поворачивается ко мне, небрежно отбрасывая волосы назад. В этом месяце она брюнетка, и должна признать, ей идет. Особенно хорошо сочетается с траурной чернотой платья. – Господи, да сколько можно молчать? Как будто кому-то и вправду жаль эту сволочь! Извини, Дуся, ты не в счет.

Извиняю. В тысячно-стотысячно-миллионный раз извиняю, хотя вряд ли им и вправду есть дело до меня и моих переживаний. А Гарика я любила. Да, любила. И теперь люблю. Только признаваться стыдно – засмеют.

– Ни-иик, ну мы же ждем, – протянула Топочка. Номер три. Победившая победительницу – так я ее называю. На самом деле Топочке просто повезло, обстоятельства сложились в ее пользу. Это как в лотерее выиграть. А Ника ее за выигрыш ненавидит, хотя ненавидеть Топочку сложно – больно уж бесполезное создание. Вообще их двое – Топочка и Тяпочка, похожи, как близняшки: субтильные, вечно дрожащие, с круглыми навывкате глазами и привычкой прятаться при малейшей угрозе скандала. Только Тяпочка у нас чихуа-хуа, а Топочка – так, недоразумение. Могла она? Нет, вряд ли... или могла?

– Заткнитесь обе! – рявкнула Алла Сергеевна. – Кому не нравится, вон дверь, не заперта.

– Действительно, шли бы вы, девочки, – промурлыкала Ильве, потягиваясь. – Не тратьте время попусту.

Все трое зашипели, беззвучно, но явно, по-женски, по-кошачьи, а Тяпочка заскулила. Тяпочка Ильве боится, и хозяйка ее тоже, и Алла Сергеевна с Никой, хотя скрывают, скалятся, будто улыбаясь, делают вид, что совсем-то им и не страшно. Еще как страшно. Ильве здесь самая опасная: у нее получилось родить ребенка. Думаю, рожала она его, исключительно чтобы развести Гарика с Топочкой и на случай «обстоятельств» (все же четвертый брак несколько настораживал) обеспечить сытные тылы. Развела. Обеспечила. Она вообще умная, Ильве, и красивая, почти такая же, как Ника, но в медвяно-золотых тонах – для кожи прозрачный липовый, для волос и глаз – гречишный, для губ – цветочный. Да, у Ильве все шансы, она и после развода умудрилась остаться хозяйкой в доме. Мать ребенка, единственного, горячо любимого Гариком и как две капли похожего на мать.

– Дуся, а он сказал, во сколько придет? – нарушила молчание Лизхен. Номер пять, последний номер... Но не идет к ней номер, уж больно она... иная. Белые волосы (не пшеничный блонд, и не платиновый, и не седина, как шипит Ильве, а именно благородный белый) зачесаны вверх, белая шаль трогательно обнимает плечи, белая кожа изысканно гармонирует с черным кружевом платья. Кресло-качалка, томик стихов в руках. За полгода ее пребывания в доме я так и не поняла, читает она их либо же носит с собой для поддержания образа. Лизхен нравится быть «в образе»: томные жесты, печальные взгляды, вздохи не к месту и сушеная роза меж страницами романа, который она пишет. Тайком, но как-то так, что все вокруг знают.

– Дуся, не спи! Тебя спросили, – Ника шлепнула на стол сумочку и, достав пачку сигарет, передвинула пепельницу поближе.

– В два.

– Дуся, в два? Дуся, ты что, прикалываешься? Какого черта тогда я приперлась сюда в двенадцать?

– Что за выражения, – Алла Сергеевна постучала пальчиком по циферблату часов, крохотные и строгие. Дорогие. Она у нас бизнесвумен, единственная, пожалуй, самостоятельная из всех. Могла? Наверное.

Все могли. Все врут. Все «в образе», я-то знаю. Единственное, чего не знаю, – кто.

– Как хочу, так и выражаюсь! – огрызнулась Ника. Щелчок зажигалки, трясущееся пламя, ментоловый дым. Лизхен тут же закашлялась, Топочка с Тяпочкой затряслись, а Ильве, брезгливо скривившись, заметила:

– От дыма цвет лица портится, а если еще и с алкоголем сочетать...

– Уж как-нибудь обойдусь без твоих советов. Нет, ну два часа еще мариноваться!

– Полтора, – тихо поправила Топочка, прижимая к себе Тяпочку. Они и одеваются похоже: синий джинсовый сарафанчик и синий джинсовый комбинезончик – детки-близняшки.

– Ну полтора. У меня, между прочим, планы имелись. Я, между прочим, не подписывалась тут торчать за просто так...

– За просто так, милая, ты задницы своей от кресла не оторвала бы, – заметила Алла Сергеевна. – И твое здесь ожидание, равно как и присутствие в доме, нужно прежде всего тебе самой.

– Ну да...

– Алла права, ты на завещание рассчитываешь, – Ильве забросила ножки на спинку софы. – Хотя, если разобраться, прав у тебя никаких...

– Можно подумать, у тебя...

– У меня прав больше всех. Я Игорю сына родила.

– Еще нужно разобраться, Игорю ли.

– Хочешь сказать...

– Хочу и говорю. Почему Алка не забеременела? Ал, скажи, у тебя хоть разок зайдет с ним был? Не было. И у меня не было. И у Топки. Лизок, ты у нас, случаем, не в положении?

– Простите? – Лизхен густо покраснела. – Вы полагаете... вы извините, но это вас не касается.

– Не касается, – согласилась Ника, выпуская очередную дымную завитушку. – Но понимаю, что нет. Дусь, ты про Гарика все знаешь. Кто-нибудь, кроме Ильки, от него рожал?

Никто. Ни жены, ни любовницы, ни случайные подружки... Не было писем с требованием признать отцовство, не было скандалов на тему «делать или не делать аборт», не было подброшенных младенцев с записками и трогательными историями о плодах случайных связей. Не было, и все тут, а те редкие «ситуации», которые все же случались, не выдерживали самой простой проверки. И поэтому Гарик так любит Ромочку.

Любил.

– Во-о-от... никто. А Илька взяла и сумела. Мать-героиня. Алка, тебе в голову не приходило, что она тут всех дурит?

– Есть медицинское заключение. – Алла Сергеевна болезненно поморщилась, потерла пальцами виски и поинтересовалась: – Дуся, если Ферниш сказал, что придет в два, то почему ты позвала нас к двенадцати?

– Действительно, почему? – Ника раздавила окурок в пепельнице.

– Да! – тявкнула Топочка. Или Тяпочка.

– Будьте так любезны, – попросила Ильве, а Лизхен просто вздохнула, томно, тягостно и громко.

Повисла тишина, и мне снова стало страшно – ледяная спираль достигла предельной точки сжатия и вот-вот начнет разворачиваться, и тогда я лопну. А в висках по-прежнему молоточки стучат: кто-кто-кто?

Кто из них убил Гарика?

Ильве

Догадалась. Эта жирная тупая корова обо всем догадалась. О нет, она не тупая, просто жирная, просто корова с мягким брюхом, бесформенным выменем, подушками щек и осоловелым, будто сонным, взглядом. Губы двигаются – жвачку жует, не «Орбит» или «Дирол», нет, корова пережевывает факты, фактики, вспоминает, сортирует, а потом... или уже?

Спокойно. Это всего-навсего нервы. Не может она ничего знать, никто не может, и Ника-стерва на крепость пробует, у нее положение тут самое шаткое, вот и бесится.

Сама виновата, думать надо было, что вытворяет. Единственно, о чем жалею, – не видела рожи Гарика, когда он свою благоверную с этим не то таксистом, не то стриптизером застал. Вот удар по самолюбию!

– Я собрала вас раньше, – корова очнулась от спячки и заговорила. Вот чему завидую – голосу. Куда ей такой, мягонький, ласковый? – Чтобы зачитать письмо, оставленное Игорем незадолго до смерти. Вероятно, он предполагал нечто... подобное, – запнулась. Дура сентиментальная, как можно такой быть? Он об нее ноги вытирал, а она любила. По-коровьи любила, молчаливо, с постоянным приглядом и вздохами. Кто сказал, что самые верные животные – это собаки? Нет, до коров им далеко.

А настроение улучшилось. Не знает она ничего. Не знает!

Потому что я – умная.

Дуся

– Письмо? Ну надо же, как мило, – Ника достала еще сигарету, раньше я не замечала, что она столько курит. – Гарик и письмо... с того света, ага.

– Милая, твой цинизм неуместен. Дуся, что за письмо?

Это не совсем письмо, а скорее послание. Пусть и звучит претенциозно, но зато суть отражает верно – письмо было мне, а им – диск с размашистой Гариковой подписью: «Моим девочкам».

Они – его девочки, а я так, подруга, соратница, единомышленница. Отвратные слова, как же я их ненавижу. Почти так же, как его девочек.

– Ну же, Дуся, не тормози. Слушай, может, по такому случаю шампанского? Или коньячку? А что, дерябнем за упокой души раба Божьего...

– Ты и так уже дерябнула, – кошачий зевек Ильве. Только теперь замечая, что Ника пьяна. Влажный, дурноватый блеск в глазах, румянец, проступающий сквозь пудру, и резкий, слишком резкий запах духов.

– Слушай, ты, мамочка, перестань морали читать, а?

– Девочки, девочки, не надо ссориться!

– Не надо, – поддержала Топочку Алла Сергеевна. – Дуся, все-таки давай к делу, раз уж... такое.

Что ж, наверное, и вправду так лучше. Страх отступает, только руки дрожат немного и коробка с диском не открывается, я нажимаю, а она только гнется. Эти смотрят, но помогать не будут, им весело. Они меня презирают.

А я их. Равновесие.

Наконец у меня получается извлечь диск из пластика, зато пропадает пульт: сначала от телевизора, потом от дивидишника. Чувствую себя все более глупо, но вот как-то сразу и вдруг все находится, телевизор включается, дивиди тоже, и синий экран сменяется дрожащей, нечеткой картинкой.

Гариков кабинет, вон шкаф виден, корешки книг (тома солидных размеров и содержания), глянцевого, вызывающе несолидного журнала, небрежно брошенный, портьера, мраморный бюстик Наполеона на столе, ноут... легче смотреть на вещи, на Гарика – не могу, слезы наворачиваются.

– Ну что, здравствуйте, дорогие мои. – Он сидит, откинувшись на спинку кресла, по привычке покачивается взад-вперед и также по привычке улыбается.

– Здравствуй, здравствуй, – буркнула Ника, перебираясь на софу, оттуда лучше видно. – Дусь, сделай погромче, а?

Пожалуйста.

– Если вы просматриваете эту запись, то... – Гарик развел руки, точно пытаясь обнять экран. – То меня, как ни прискорбно осознавать, уже нет в живых. Конечно, вряд ли вас это сильно опечалило, скорее уж наоборот...

– Ох, – Лизхен ноготком смахнула слезу и поплотнее укуталась в шаль. – Он... он такой... Особенный.

– Скотина, – фыркнула Ника. – Улыбчивая скотина.

Да, в этом она права, Гарик всегда улыбался. Грустно, расстроено, опечаленно, неловко, небрежно, счастливо, самоуверенно – список оттенков бесконечен, я научилась читать их все. Я научилась видеть то, что за улыбками, и молчать о том, что понимаю.

– Теперь вы ждете наследства. Ты, Аллочка, думаешь, что имеешь право, поскольку дольше всех была моей женой. Сколько лет? Шесть?

– Семь, – прошептала Алла Сергеевна. – И три месяца.

– Ты, Вероничка, надеешься на прощение и мою к тебе жалость.

– Больно надо... подумаешь...

– Ты, Топочка, пришла, потому что все пришли. И ты была хорошей девочкой, правда, псину твою я все равно терпеть не мог, извини.

– Тяпочка – хорошая, хорошая моя девочка, – Топочка поцеловала псинку в нос. – Зачем он так говорит?

Ей не ответили.

– Ильве... ты мать моего единственного сына. Ты уверена, что получишь если не все, то большую часть.

Молчание. Прикрытые глаза, коготки, скребущие обивку дивана.

– Ну и Лизок, последняя моя любовь, лебединая песня. У тебя формальные права наследования, ты же вдова. Кстати, черный тебе всегда шел...

Пауза. Шелест бумаг. Картинка вдруг резко прыгает в сторону, выхватывая белый манжет, часы, запястье, пальцы, перстень на мизинце и серую папку на завязках, на которой красным фломастером Гариковой рукой размашисто выведено: «Завещание».

– Да, мои милые девочки, – Гарик поднял папку и придвинул вплотную к камере, отчего изображение расплылось серо-алыми пятнами. – Вот оно, то самое, посмотрите, подумайте, что там внутри и стоило ли из-за него убивать меня.

Вот. Он сказал это. Он снова сказал это!

– Конечно, вероятно, смерть откровенно криминальной не выглядит. – Голос Гарика по-прежнему весел, а лица не видно, папка заслоняет. Разглядываю картон, серый, неровный, с какими-то шерстинками, пятнышками, потертостями. – Вы слишком чистоплюйки, чтобы замараться, слишком трусливы, чтобы подставиться, слишком не хотите привлекать внимания к вашим играм, чтобы позволить начаться официальному расследованию...

– Да у него окончательно крыша съехала! – воскликнула Ника. Возражать ей не стали.

– Поэтому здесь, – Гарик положил папку на стол и постучал по ней костяшками пальцев, – здесь, милые мои дамы, моя маленькая месть. Я не знаю, кто из вас задался целью, но мотив есть у каждой...

Алла Сергеевна прикусила губу. Задумалась.

Ника остервенело жует сигарету. Фильтр измочалила, горько, наверное, а вкуса не чувствует. Топочка уткнулась лицом в Тяпочкину шерстку, на экран вроде бы и не смотрит. Ильве... Ильве накручивает на палец локон. Накручивает и раскручивает, и снова накручивает. Лизхен то ли дремлет, то ли мечтает.

Гарик на экране спрятал папку в стол.

– Завещание это составлено по закону, с соблюдением всех условностей, и опротестовать его не получится...

– Вот урод!

– Заткнись.

– ...но у вас будет шанс урвать кусок. Полагаю, вы его не упустите, точнее, скорее надеюсь на вашу жадность, чем на честность. Так что... целую всех. Дуська, котенок, тебя особенно. Пожалуй, ты – единственная настоящая женщина в моей жизни. Прости, что поздно понял.

Лизхен

Женщина? Дуся – женщина? Смех, да и только, носорог в шелках, смотреть невозможно без содрогания. Как можно было довести себя до такого? Хоть бы на диету села, а то ест и ест, ест и ест, даже теперь губы шевелятся, будто пережевывает чего. И что он в ней нашел?

Дуся умная. Дуся проницательная. У Дуси чутье.

Фу. Права была мама, когда говорила, что следует держаться в отдалении от некрасивых людей – это заразно. Смотрю на Дусю, и ощущение премерзейшее. Выставляю. Да, первым же делом выставлю прочь. Я тут хозяйка. Единственная. Эти могут даже и не дергаться, разве что Ильве... все же ребенок, и Гарик – вот идиот – признал его. Витенька же говорит, что ребенок, как и я, наследник первой очереди, и просто так избавиться не выйдет.

Правда, он же предлагает дать Ильве отступных. Может, и вправду попробовать? Витенька умный, он всегда знает, как поступить правильно.

Дуся

– Ну и что это значит? – первой молчание нарушила Алла Сергеевна. – Дуся, ты можешь объяснить?

– А что объяснять? Тебе ж прямым текстом сказали, что фигурки ты что получишь. – Ника расхохоталась, но смех быстро перешел в икоту. – Ой... да... задолбал он... шуточки... воды...

Топочка, сунув Тяпочку под мышку, торопливо и неловко, расплескав по скатерти, налила из графина в стакан, который протянула Нике.

– Итак, – мягко начала Ильве, – Дуся, он тебе до того говорил? Может, упоминал о чем-то подозрительном? Письма с угрозами? Звонки?

– Нет.

Не было писем, не было звонков, не было ничего, что предвещало бы беду. Просто однажды Гарик уехал в командировку в Челябинск и умер. Сердечный приступ, ничего удивительного при его образе жизни – так мне сказали, уже на похоронах, торопливых, суетливых, каких-то ненастоящих, что ли. Мне даже сообщить не удосужились, знаю – из-за Лизхен: маленькая месть маленькой дряни. Уезжала я, видите ли, неудобно было меня беспокоить... и дело внутреннее, семейное. Она это несколько раз подчеркнула и добавила, что очень-очень любила Гарика и любит меня, а поэтому настоятельно рекомендует проверить сердце, ведь с моим весом нужно тщательно следить за сердцем.

– Хорошо. Тогда с чего он решил, что его собираются убить? И в конце концов, Дуся, что он придумал с завещанием?

– Не знаю.

Не поверили. Алла Сергеевна кивнула, Ника фыркнула, Топочка с Тяпочкой переглянулись, Ильве зевнула, а Лизхен заслонила от всего происходящего шалью-коконом.

– Значит, будем ждать. Уже недолго, полагаю, нас ждет большой сюрприз.

Алла Сергеевна и не предполагала, насколько права.

Аким Андреевич появился вовремя и даже на полчаса раньше договоренного времени, за что я несказанно ему благодарна. Он вошел, как всегда, без стука, по-хозяйски поставил на стол изрядно потрепанный кейс коричневой кожи, рядом с ним положил фетровую шляпу и кожаные перчатки, прислонил к краю стола трость и только после этого церемонно поклонился.

– Добрый день, дамы. Прошу прощения, если опоздал. Надеюсь, ожидание не было слишком тягостным для вас? – Аким Андреевич хитро подмигнул мне.

– Здравсьте, – отозвалась Ника.

– Всецело разделяю ваше горе, – Аким Андреевич возился с замочками кейса, в движениях его мне виделась нарочитая неторопливость, отдающая даже не театром – балаганом самолюбования.

Он хороший человек, умный и энергичный, а мне следовало бы снисходительнее относиться к его маленьким слабостям. Тем более что их не так и много: показушная галантность, фетровые шляпы с лайковыми перчатками, костюмы стиля американских тридцатых, кейс, доставшийся от дедушки, и усы, придававшие Акиму Андреевичу вид не солидный, а скорее плутоватый.

Ну да разве в усах дело?

И с Гариком они были очень дружны, и о случившемся мне как раз Аким рассказал. Не его вина, что так поздно.

– Дусенька, радость моя, пересядь-ка, пожалуйста, вон туда, – он указал на другую сторону стола. – Или еще куда-нибудь... итак, дамы, приступим.

Желтый конверт с круглой печатью показался мне таким же фальшивым, как Аким Андреевич, который небрежным жестом фокусника сорвал печать и крохотным ножиком вспорол бумагу.

– Так уж вышло, что я имел честь свести более-менее близкое знакомство с каждой из вас, а посему до начала процедуры оговору: данное завещание составлено согласно принятым юридическим нормам, вследствие чего попытки опротестовать его, вероятнее всего, ни к чему не приведут. Надеюсь, вы мне поверите на слово?

Молчание было ярким и выразительным. Аким же Андреевич, отложив конверт в сторону, с ленцой пролистнул бумаги. Он заставлял их ждать, томиться, гадая, что же придумал Гарик, и я простила Фернишу все слабости. Я почти любила его.

– Что ж, дамы, к делу. Находясь в здравом уме и твердой памяти... соответствующие справки и заключения прилагаются... Игорь Владиславович Громов распорядился принадлежащим ему движимым и недвижимым имуществом следующим образом. Так... моей первой жене за терпение и характер, а также в качестве извинения за разрушенный брак я оставляю десять процентов акций «Ивлоры»...

Губы Аллы Сергеевны едва заметно дрогнули. Улыбнется? Нет. А кроме акций, квартиру ей оставил, родительскую, в которую когда-то привел после свадьбы.

– Вероника в знак моего прощения получает два процента акций...

– Козел!

На Никину злость, как и на нее саму, никто не обратил внимания, только шикнули, чтоб заткнулась.

Топочка получила пять процентов и двухкомнатную квартиру, Ильве – пять и ее сын десять, естественно, дом, в котором они проживали, также оставался им. Тринадцать процентов досталось Лизхен. Она же получила драгоценности и несколько картин из коллекции, не самых дорогих.

– Вот стерва! – не выдержала Ника, пользуясь возникшей паузой.

– Погодите, но ведь получается... получается... – Ильве нахмурилась. – Всего сорок процентов акций получается? Аким Андреевич! А картины? А нефрит? И... остальное? Кому?

Аким Андреевич пригладил усы, огляделся, проверяя, готова ли публика внимать монологу, и громко зачитал:

– Оставшиеся шестьдесят процентов акций, а также прочее имущество, согласно приложенному списку, я оставляю Дульсинее Вадимовне Гвельской, человеку мне дорогому и любимому, пусть и не так, как ей бы хотелось. Прошу простить меня за все обиды, прими это наследство в знак благодарности за наше долгое знакомство.

– Ей? – взвизгнула Ника, вскакивая. – Ей?! Он оставил все этой... этой...

Алла

Да, этой! Этой стерве Дуське.

Молодец, Гарик, уел. Даже после смерти уел. А следовало бы подумать, следовало бы догадаться... Дуся с самого первого дня мне не понравилась, чужало сердце, неспроста она целыми днями у Гарика просиживает. Чего ей надо было? А и понятно – влюбленная. Дульсинея. Дульсинея Вадимовна Гвельская... любила, видите ли, бабка высокую литературу... до сих пор от этих ее литературных разговоров мутит, как вспомню. Зал, стол, скатерть, свечи, блюдо с фруктами, пирожные, которые ни фигища не понятно как брать, в первый раз, когда я торт ложкой есть стала, Дусенька, вежливая наша, выпучила глазенки, а свекровушка моя, пусть земля ей пухом, и сказала, что девочка я умная, постепенно научусь.

Научилась. И торт вилокй есть, и про Вольтера разговаривать, и Толстого цитировать, и на Бунина с Паустовским ссылаться. А ее все равно на дух не выношу, влюбленную, одно утешает – уродина. И тогда, в девичество, уродиной была – туша в шелках, маменькой-папенькой вусмерть избалована, в жизни ничего-то, кроме литературы своей, и не видевшая, – а теперь и вовсе расплылась. Как она только не померла еще? Свекровь все убивалась, что у Дусеньки здоровье слабенькое, а она и Гарика пережила, и нас всех поимела.

Одна радость – Нику аж перекосило. Ну да, это не чужих мужей отбивать, пусть теперь попробует на Дуську прелестями своими подувядшими повоздействовать. Остальные... Топ-Топа, ласковый ребенок, вежливый. Беспольный. Эта будет делать то же, что и все. Ильве... попробовать договориться? Она не глупа, только жадная очень и беспринципная. При удобном случае кинет и не икнет. Нет, опасно связываться. Лизхен тоже темная лошадка. Откуда она вообще появилась? Где Гарика подцепила и, главное, чем? Но Дуся, Дусенька, Дульсинея. Ну уела, ну уела... ничего, все еще можно исправить, все... только подумать хорошенько. Не спешить, не пороть горячки, подумать, проконсультироваться с умными людьми, а там и решать.

Дуся

– Он все ей оставил? Вот так взял и просто оставил этой... этой... – Ника указала на меня дрожащей рукой. – взял и оставил?

– взял и оставил, – спокойно повторила Алла Сергеевна, поднялась, подошла и, протянув руку, сказала: – Поздравляю, Дуся, ты получила то, что причитается. Все верно. Все заслуженно.

Верно, заслуженно. Только не нужно. Как он посмел так со мной? Взять и откупиться? Акции, деньги... да не нужно мне ничего этого! Не нужно! А они смотрят, думают: какая я хитрая, как верно все рассчитала, втерлась в доверие, окрутила, обманула. И не поверят, если скажу – не знала. Да и не знала ли? Он намекал ведь, вскользь, шутками, случайными оговорками, на которые я предпочитала не обращать внимания. Получается, к своей выгоде.

– Да, Дуся, поздравляю, – Ильве не пыталась скрыть издевки в голосе. – Верный друг... следовало бы догадаться.

– Но это же хорошо, да? – подала голос Топочка. – Пять процентов – это тоже много? Это лучше, чем ничего?

– Лучше, лучше, – уверила ее Ника. – А шестьдесят еще лучше.

И рывкнула:

– Не будь душой! У нее вообще прав никаких нет! Она тут посторонняя! Никто, понимаешь? Пустое место.

– Уже не пустое, – это Лизхен. Сердитая, раскрасневшаяся от злости, не пытающаяся скрыть обиды Лизхен. – Извините, Аким Андреевич, но я, со своей стороны, буду подавать в суд. Мне положена доля...

– И Ромочке тоже, – перебила Ильве. – Ромочка наследник первой очереди. Наравне с Лизой, естественно.

– Ваше право, – ответил Аким Андреевич, до сего момента хранивший вежливое молчание. – Но для начала, может, позвольте дочитать? Немного осталось. Итак, условие, выдвинутое завещателем, на мой взгляд, существенно меняет всю картину. Согласно последней воле Игоря Владиславовича Громова, настоящее завещание вступает в силу лишь после того, как будет найден его, то бишь Игоря Владиславовича Громова, убийца. Доказательства вины должны быть представлены комиссии из пятерых человек, которых завещатель указал в качестве доверенных лиц. Если в течение полугода имя не будет названо либо же названо, но доказательства сочтены недостаточно убедительными, чтобы большинством голосов признать вину обвиняемой личности, данное завещание теряет силу. Вследствие чего все движимое и недвижимое имущество надлежит разделить следующим образом: восемьдесят процентов акций переходят в распоряжение Дульсины Вадимовны Гвельской, а также она получает право распоряжаться оставшимися двадцатью процентами акций с обязательством передать их Роману Игоревичу Громову по достижении последним возраста двадцати одного года. Вот, кажется, и все. От себя добавлю, что я вхожу в число тех, кому предстоит выносить решение по... по пункту вины. Это меня не слишком радует, но отказать другу в просьбе я не мог. Увы. И еще, в качестве бесплатного совета, я бы настоятельно рекомендовал вам не пытаться решить проблему самостоятельно. Наймите специалиста.

– Он... он же урод! Псих! Он ненормальный! – первой не выдержала Ника. – Да что он о себе возомнил! Призрак папаши Гамлета! Отмстите за смерть мою...

– Если вдруг надумаете, – Аким Андреевич оставил выпад без внимания. Он аккуратно сложил бумаги, выровнял стопку, сунул обратно в конверт, тот самый, желтый с красной печатью, а конверт – в кейс. Потом закрыл замочки, любя и любясь, провел ладонью по потрескавшейся коже и продолжил: – Если все же надумаете обратиться к специалисту, то могу пореко-

мендовать одного в высшей степени толкового человека. Берет дорого, работает чисто. Умен. И, что в данном случае важно, терпелив.

– Аким Андреевич, как вы думаете... при определенных обстоятельствах нам удалось бы достичь полюбовного соглашения? – Алла говорила медленно, тщательно подбирая слова. – Вы ведь умный человек, вы понимаете, что последний пункт... несколько слишком. Глупая шутка. Последняя месть, хотя нам-то мстить не за что, это у нас были обиды.

– И мотивы. Прошу прощения, но боюсь, что вам все же придется следовать выдвинутым условиям. Да, простите, чуть не забыл, Игорь Владиславович оставил еще ряд документов завещательного плана. Во-первых, – конверт Аким Андреевич достал не из кейса, а из кармана пиджака, – здесь шесть дарственных с правом распоряжаться одной шестой частью этого дома. Игорю это показалось справедливым. В отличие от завещания, распоряжаться даренным имуществом вы можете немедленно. Во-вторых, вам, Дуся, оставили вот это.

Третий конверт, из листика в клеточку, сложенный треугольником, на котором синими чернилами выведено: «Это ключ к ключу, который открывает дверь времен». Внутри прощупывался плоский длинный ключ. Сердце ухнуло в пятки: неужели Игорь оставил мне и Толстого Пта?

– Будьте уверены, все формальности соблюдены.

– И когда я могу забрать его?

– Когда захочешь. Хоть сейчас, но... Дуся, ты подумай, в банке ему надежнее. Все-таки ценность, и немалая.

Ему – да, а мне нет. Мне хочется, чтобы мудрый Толстый Пта был рядом, и дело отнюдь не в его номинальной стоимости, а в том, что Толстый Пта – удивительная вещь. Или нет, вещь его называть нельзя, он – личность, тот, кто бережет и оберегает.

Ника

Одна шестая дома? Два процента? И эти небось думают, что и так слишком много получила!

Да что они понимают? Твари. Все твари. Алка – стервозная, бизнес-леди наша. Нету в тебе леди и не было никогда, даже сейчас будто бы навозцем пованивает. А развода мне так и не простила. А что? Сама виновата, за собой смотреть надо было, не теперь, а тогда. Вспомнить – смех один: красавица от сохи, коса до задницы, румянец во всю рожу. Как он мог вообще на ней жениться? Зато развелся легко, когда понял, что такое истинный класс.

Понял-то понял, но... Ильве лыбится, она тварь хитрая, вот уж кто хорошенько птичку счастья пообскубал. Сына она родила... ага, так мы и поверили. Экспертиза... знаю я цену этой экспертизе, небось ножки перед экспертом раздвинула и бабок сунула, вложились в будущее, а теперь королева.

Топка – тварь беспомощная и бесполезная, но умудрилась, умудрилась к Гарику в постель вовремя прыгнуть, теперь тоже своего ждет. Лизхен – тварь непонятная, мало про нее знаю, надо бы приглядеться...

Дуся... Дуся просто тварь. Урвала куш и радуется, ишь глазки поблескивают, и конвертик к груди прижимает. Ага, там сто пудов ключ от банковской ячейки, а в ней – божок тот, толстый, который диких бабок стоит. Подарочек... мне Гарик и прикоснуться не дал, показал только, а этой, значит, подарок. Ну тварюга!

И я тварь, только невезучая. Ну надо ж было так попасться. Дура, дура, дура... а эти-то радуются. У самих небось списочки любовников побольше моего будут, только они умнее... нет, не умнее, везучее. Ничего, я свое еще возьму, я их всех прижму... всех.

Дуся

– Итак, что мы имеем? – первой, как ни странно, заговорила Лизхен. Тишина, воцарившаяся было после ухода Акима Андреевича, разом наполнилась гомоном. Они заговорили одновременно, стараясь перекрыть друг друга, залаяла испуганная Тяпа, заорала матом Ника, застонала, хватаясь за голову, Лизхен. А я мяла в руках бумажный конверт, в котором лежал ключ.

Завтра я верну себе Толстого Пта. Исправлю несправедливость, которая была допущена много лет назад, и моя жизнь переменится. Горечь и тоска постепенно уходили. Этот последний, пожалуй, единственный нужный мне подарок словно примирил со случившимся.

– Это у нее мотив есть! У нее! – Нике все же удалось перекрыть остальных. – Алка, сама прикинь, она ж вся в шоколаде! Ей при любом раскладе бабла больше всех достанется! Это нам задницы рвать придется, чтоб копейки свои получить!

– Ника, подбирай, пожалуйста, выражения.

– А что? Алла, она, хоть и дура, верно говорит, – поддержала Веронику Ильве. – Дуся действительно получила больше всех, а значит, и Гарика убрать ей было выгоднее всех.

– Я не знала о завещании, – ненавижу оправдываться, но и молчать, когда в таком обвиняют, не могу. Не поверили. Ильве выразительно хмыкнула и произнесла:

– Ну да, Дуся, которая в курсе всех дел Игоря, вдруг не знала о завещании.

– А может, она и вправду...

– Топочка, ты лучше псинку свою уйми и не лезь во взрослые беседы.

– Действительно, Дуся, – мягко поддержала остальных Лизхен. – У вас и вправду имеется мотив. Только у вас...

– Неужели?

– Я лишилась супруга, которого любила, и осталась фактически ни с чем...

Я не хотела этого говорить. Я не люблю заглядывать в чужие жизни и уж тем паче вытряхивать перед всеми чужое грязное белье, но еще немного, и они договорятся. Они поймут, что сделать убийцей меня – выгодно, и найдут способ убедить в этом прочих. Поэтому, глубоко вдохнув и сжав конверт-треугольник так, что жесткие грани ключа, прорвав бумагу, впились в ладонь, я сказала:

– Игорь просил меня собрать информацию о некоем Викторе Горицыне. Возраст двадцать шесть лет, образование – высшее незаконченное, пятый курс юридического факультета МГУ, работает младшим сотрудником в небольшой частной компании, формально на хорошем счету.

С каждым словом Лизхен краснела все больше. Книжка, выскользнув из рук, громко шлепнулась на пол, и Ника, подняв, протянула:

– На, подруга, держи. А ты, оказывается, не совсем отмороженная...

– Заткнись! – зашипела Лизхен. – Он просто друг! Друг детства, и все!

– Ну да, конечно... Дуся, ты договаривай, договаривай, может, и вправду друг?

– Может. Я не успела выполнить просьбу, точнее, лишь передала ее службе безопасности, кстати, просьба была не единственной. Вторая касалась повторного анализа на отцовство, который следовало бы провести, не информируя вас, Ильве.

– Ур-р-род!

– Третья – финансового положения фирмы «АллКон», а именно последних заключенных ею контрактов. Извините, Алла Сергеевна, но Гарик считал: то, чем вы занимаетесь, можно квалифицировать как мошенничество. Четвертым пунктом шло некое десятилетней давности судебное дело, в котором свидетельницей проходила Татьяна Топина, пятым – наблюдение

за квартирой Вероники. Не той, где вы сейчас проживаете, а той, которую сняли примерно полгода назад.

На ладони останутся следы, некрасивые красные полосы или даже синяки, но если отпустить ключ, смелость уйдет, и я никогда не скажу им то, что должна. Точнее, не столько должна, сколько хочу сказать.

– К сожалению, мне не удалось выполнить ни один из пунктов. Но подозреваю, что мотивы были у всех.

– Дуся, а я и не предполагала, что ты такая сволочь, – Ильве ответила за всех. – Завистливая сволочь. Про всех накопала, радуйся...

– Знаете, – громко сказала Алла Сергеевна. – Пожалуй, нам действительно имеет смысл обратиться к специалисту. Я не хочу говорить за всех, лишь за себя, но, судя объективно, лично у меня разобраться в происходящем вряд ли получится.

Топочка

Не получилось. Ничего у них не получилось. Не надо было приходить. Она как утром проснулась, сразу и поняла – не надо. Это когда из крана вода со ржавчиной потекла, а еще паста, выскользнув из рук, завалилась под ванну, и Тяпа в коридоре написала, а Мишка увидел. Орал. И на Тяпу, и на нее. Он всегда орет, страшно становится, прямо хочется уши руками заткнуть и завизжать громко-прегромко, чтобы перебить его голос.

Но тогда он бить будет.

Он уже пощечину дал, когда Топочка сказала, что не хочет сюда ехать. Не сильно и почти не больно, но следующая была бы хуже.

Миша ждет дома. Миша рассердится, что Топочка не звонит и не держит его в курсе дела. И что ничего-то ей не достанется, потому что пять процентов – это мало. Нет, для Топочки это много, а для Миши мало, он станет требовать остальные девяносто пять, сравнивать с десятью Аллы Сергеевны, и с тринадцатю Лизхен, и с тем, что двухкомнатная квартира – ерунда по сравнению с домом, который получают Ильве и Рома. А если еще про условие узнает, про то, что, вполне возможно, и несчастные – он почему-то очень часто использовал это слово – пять процентов могут не достаться... и что Дуся знает про Секрет-о-котором-нельзя-говорить, – убьет. Дуся точно знает... а и не страшно совсем. Это как долго-долго готовиться идти к зубному, привыкать-привыкать к мысли, а потом просто взять и пойти.

Но Миша про зубного слушать не станет, зато начнет кричать и драться. И никто их с Тяпой не защитит, потому что их никто никогда не защищал, а когда защищал, было хуже. Миша сильный. Миша злой. Нужно что-то сделать. Топочка в который раз повторила про себя последнюю фразу. Она уже почти привыкла к ней. Она почти смирилась и почти перестала бояться.

Главное, все продумать. Именно так. Продумать и не волноваться. Тяпа ведь не волнуется, и Топа не будет... вдохнет поглубже и не будет.

Раскатали боги полотно степеней, а поверху другое – небесное. Разукрасили – что золотом да зеленою трав высоких, что синевой да чернотой. Пустили боги понизу табуны конские, а поверху – ветры да облака. И появился мир новый, чудный, такой, что, раз увидевши, обо всех прежних забудешь.

И тянутся степи от моря до моря, от неба до неба, и гуляет вольно ветер, дымы костров косами сплетая, туманы разрывая, колыбели баюкая да нашептывая о делах, которые прежде были, давно да недавно. Ведь нету для богов времени, только людям оно отведено. И памятью о днях минувших стоят курганы, тревожить которые невозможно.

– Да глупости все это! – Сerezенька боком сбежал с земляной насыпи, в одной руке держа винтовку, в другой – череп. Тот был небольшой, округлый, с пустыми черными провалами глазниц и длинными патлами волос, присохших к кости. Женищина, машинально отметил Иван Алексеевич и заодно постановил вечером поговорить с Сергеем: не дело с ценными находками так обращаться. Да и местных ни к чему злить, суеверия будоражить.

– Ну Иван Алексеевич! Неужели вы и вправду в это верите?

– В то, что мы потревожили покой мертвецов и накликали на себя проклятье? Естественно, нет. Это такой же миф, как стремление нынешних властей к строительству утопии. – Иван Алексеевич спускался осторожно, опираясь на трость и тщательно выбирая, куда поставить ногу. Боли в колене, мучившие его третий день подряд, не унимал даже морфий, и хромота с каждым днем становилась все более заметной.

– Иван Алексеевич! – Сонечка, как всегда, оказалась рядом, подхватила под локоть и сердито глянула на мужа – почему не помогает. Сергей тотчас нахмурился – ревнует. Видится

ему в Сонечкиной заботливости неприличное. Ох, не следовало ее брать, не место женищинам в экспедициях, но как не взять, когда по нынешним временам хорошие работники наперечет?

С Сергеем надо бы объясниться. И с Сонечкой тоже, все ж таки видится порой в ее взгляде нечто такое, мечтательно-женское. Этого разговора Иван Алексеевич побаивался, а потому и отодвигал сколь возможно.

– Так, значит, вы не верите? – Сонечка глядела снизу вверх, восторженно и радостно. Хороша, однако: карие, чуть навывкате глаза, нос длинноват, губы узковаты да кожа смугла, но есть в этой цыганской смуглявости особая привлекательность.

Нет, не вправе он даже думать о подобной подлости. Иван Алексеевич, мысленно вздохнув, ответил:

– Нет, не верю. Вот скажите мне, каким образом тот предмет, который ваш супруг изволил держать в руке, способен оказать влияние на наше с вами существование? Увы, Соня, я слишком рационалистичен, чтобы позволить себе тратить время на подобные... ненаучные рассуждения.

– Ненаучные, – эхом отозвался Сергей и подбросил череп на ладони. Определенно, любопытная находка... весьма вероятно, что дама сия была личностью значимой, раз удостоилась подобного погребения.

– Сергей, не будете ли вы так любезны заняться работой? Сонечка, буду вам благодарен, если вы поможете, ваш почерк гораздо более читабелен, чем его каракули.

Теплая заботливая ладошка исчезла с предплечья, и эта крохотная потеря внезапно показалась просто невыносимой.

Нет, нет и нет. Он, наконец, вдвое старше и женат, а она – замужем.

Но, глядя вслед уходящей паре, Иван Алексеевич думал вовсе не о разрытом кургане, не о найденных сокровищах, не о грядущей славе или признании. В тот момент он готов был отдать все золото за один ласковый Сонечкин взгляд и даже не стыдился собственных желаний. Более того, они начали казаться естественными.

– Ни за что, – повторил он вслух, отгоняя наваждение. И, наклонившись, потер разболевшееся колено. – Ни за что...

Желтый огонек лампы под стеклянным колпаком, горьковатый дым, тени за стеной палатки, белый лист бумаги, на котором выведено лишь два слова: «Дорогая Оленька». Надобно продолжить дальше. Но о чем? О том, что экспедиция началась несколько неудачно? Так ведь писано в подробностях: и о возражениях местных, не желавших слышать о научной важности раскопок, и о легендах, которыми их пугали, и о том, что пришлось даже прибегнуть к помощи военных, а теперь – вот дикость – приходится повсюду ходить с оружием.

Или о том, что результат стоил усилий? О разрытом кургане, внутри которого сотни лет хранились удивительные сокровища? Об ожерельях, браслетах, кольцах, чашах, зеркалах из полированного серебра, о золотом шитье, что тонкой паутиной цепляется за остатки ткани, о драгоценном бисере... о деревянном, обтянутом иссохшей кожей седле и оружии. О найденных скелетах. Кем были эти люди? И когда они были?

Нет, пожалуй, писать о сокровищах не стоит, не было доверия у Ивана Алексеевича к калмыку-красноармейцу, что дважды в неделю навещался в лагерь и бродил, выглядывая, выпрашивая и через раз повторяя, что надо бы охрану организовать. Не хотел Иван Алексеевич охраны, тем паче такой, от которой за версту несет конторой и контролем.

Степь свободу любит.

И, окунув стальное перо в чернильницу, Иван Алексеевич вывел:

«Особый интерес представляют останки женищины. Смею предполагать, что она была знатна и богата и, судя по состоянию зубов, умерла молодой, что подтверждается и отсутствием следов хронических заболеваний, которые свойственны людям старшего возраста. Конечно, это лишь самый первый, зачастую ошибочный взгляд...»

Иван Алексеевич остановился. Нет, не то он пишет, не о том. Разве ж интересно Оленьке читать про скелеты? Да она с ее тонкой душевной организацией кошмарами после этого письма мучиться начнет.

Скомкав бумагу, Иван Алексеевич начал наново и, переступив через инстинктивный страх, вывел:

«Пожалуй, один из самых интересных предметов, найденных в кургане, – статуэтка то ли бога, то ли духа-покровителя погребенных в кургане. Небольшая, где-то с твою ладошку высотой, она удивительно тонкой работы. Представь себе, Оленька, очень тучного человека, такого, как станционный смотритель в твоей слободе, надень на него халат и обрей наголо...»

Ну, с Петром Ильичом у толстого человека сходство было весьма и весьма отдаленным. Сомнительно, чтоб грузный станционный смотритель сумел усесться вот так, по-турецки, и чтобы улыбался столь благодушно, как этот древний божок, всем своим обликом излучавший мир и покой.

Глянешь на такого, и дышится легче, и строки сами на бумагу ложатся...

«Соня дала ему имя – Пта, не знаю почему, говорит, он ей сам сказал. Она вообще девица крайне впечатлительная и суевериям подверженная».

Рука замерла. Не стоит писать о Соне, не стоит и думать о ней, однако – поздно, полож палатки откинулся в сторону, и внутрь проник тонкий ландышевый аромат духов и тихий женский голос:

– Иван Алексеевич? Вы еще не спите? Можно я с вами посижу? Мне страшно...

В этот вечер письмо осталось незаконченным.

Следующие несколько дней остались в восприятии Ивана Алексеевича тупой ноющей болью в колене, которая проявлялась поутру, а к вечеру исчезала, чувством вины перед Сергеем и чувством отворачивания к себе и Соне, хотя оно, как и боль, возникало лишь с рассветом. Позже добавилось напряженное ожидание: экспедиция близка к завершению, а с ней закончится и эта попытка совести и борьба с собственными желаниями, столь же естественными, сколь и отвратительными.

Недолго уже: все измерено, записано, вычерчено вчерновую, осталось лишь подписать да описать объекты перед тем, как отправить их в Москву. Иван Алексеевич ждал этого последнего дня, пока еще отделенного чередой иных дней, с болезненным нетерпением утомленного человека.

«Дорогая Оленька, я очень тебя люблю...»

Слова ненаписанного письма приносили некоторое облегчение, как будто он и вправду признался, как будто просил прощения и был прощен.

«...эта связь случайна, она не будет иметь продолжения, ее и не случилось бы никогда, если б я так не тосковал по тебе».

Сонечка обернулась, узенькое личико ее озарилось радостной улыбкой.

Неужто она и вправду думает, что их отношения можно назвать любовными? Соединить в одном слове эту грязь и истинно светлое чувство? Нет, нет и нет. Она сама придумала все, его вины тут нет. И нынче вечером он поговорит с Соней. Давно пора бы.

И снова отблески огня летят по смуглой коже, по позвоночнику вверх, до цепочки с крестиком, который Сонечка никогда не снимает, до тонкой шейки, до черных, лаково-блестящих волос... по рукам до остреньких локтей и узких запястий, а оттуда – на широкие кисти с короткими сильными пальчиками профессиональной машинистки.

– Я не такая красивая, как она, – шепчет Сонечка. – Но я тебя люблю сильнее. Я хочу быть с тобой всегда.

Разве важна эта ее любовь? И ее желание?

– Я подам на развод, вернемся, и подам.

– Я – нет.

– Понимаю, – она касается его ладони губами. – У тебя дочь, ты должен...

– Нет, не понимаешь. Мы вернемся, и все закончится. Сергей очень хороший человек, талантливый ученый, он любит тебя...

– А я люблю тебя.

– Это не имеет значения.

– Почему? Ты и я... мы ведь созданы... я готова ждать столько, сколько понадобится. Я буду рядом, там, здесь – неважно...

Важно. Как она не может понять, что все важно: и совершенное ими предательство, и морфий, который Сонечка подсыпает мужу на ночь, и утреннее ее вранье, и обреченный, понимающий взгляд Сергея, в котором с каждым днем все больше отчаяния.

Разве это любовь?

– Другой у тебя не будет, – Сонечка сказала это тихо и спокойно. Встала, взяла в руки статуэтку толстяка и, коснувшись губами золотого уха, прошептала. – Боже, если ты есть... не дай ему другой любви. Пожалуйста. Оставь его для меня...

Этой ее выходке, отчаянно-глупой и нелепой, Иван Алексеевич не придал значения, а на другой день и вовсе позабыл и о любви, и о Сонечке, и о боли в колене – появилась проблема посерьезнее: за день в лагере от неизвестной болезни слегло пятеро рабочих.

Яков

Они так и явились впятером. Странноватая компания: коротко стриженная блондинка в деловом костюме, вызывающе-яркая брюнетка с запахом коньяка, инфанте с белой пучеглазой псинкой в джинсовом комбинезоне, медноволосая особа с томным взглядом и бледное, болезненного вида существо в шали, наброшенной поверх черного платья.

– Добрый день, – заявила Деловая, усаживаясь в кресло. – Яков Павлович, мы хотим вас нанять.

– Всецело во внимании.

Интересно, которая из них звонила? Нет, сначала с самого утра до меня добрался Аким и ведь знает, паразит, что я – сова и утро для меня ближе к обеду начинается, а ведь в пол-восьмого трезвонит. С просьбой об услуге. Впрочем, Аким у я отказать не могу, старый друг как-никак.

– Его? Мы хотим нанять его? – брюнетка нахмурилась. Верно, мой экстерьер не по вкусу пришелся. Ничего, мне тоже больше блондинки нравятся.

Взгляд у брюнетки шальной, точнее, хмельной, и морщинки у глаз проступают, тщательно заретушированные, затененные. Тем не менее есть они, и глазки покрасневшие слезятся, значит, не случаен запах.

– Прошу прощения, Яков Павлович. Я – Алла Сергеевна. Можно просто Алла, – сухая широкая ладонь, крепкое, с претензией, рукопожатие и холодное прикосновение кольца. Широкий перстень с темным камнем. Стекло. Вот ведь, а такой особе не пристало носить фальшивые украшения. – Это – Вероника.

– Ника, – перебила брюнетка, плюхаясь на диван. – Там у нас Топка с Тяпкой, Ильве и Лизок.

– Татьяна, – представилась девушка с собачкой, осторожно присаживаясь на самый краешек, причем место выбрала подальше от Ники.

– Яков Павлович, это я вам с утра звонила. Алла Сергеевна Громова, бывшая супруга Игоря Громова. Мы хотим найти его убийцу.

Громова. Теперь все стало более-менее понятно. Не то чтобы я был лично знаком с Игорем Грозовым, но слышать о нем приходилось, как о живом, так и о мертвом, причем о мертвом больше. Ходили упорные слухи, что не сам на тот свет ушел, уж больно красиво – командировка, сердечный приступ и поспешные похороны, причем с кремацией. А дельце светит интересное. Ну и слава богу, а то как-то обленились мы с Ленчиком по осени.

Но пауза, кажется, несколько затянулась. Да и невежливо дальше молчать, дамы обижаются. Все-таки умел Громов баб выбирать, даже в той, невзрачнейшей, которая собачку тискает, что-то этакое проскальзывает... Но о бабах потом, сейчас – работа. И я спросил:

– Кто решил, что вашего супруга убили?

– Он и решил. Сволочь!

– Ника, шла бы ты домой, – протянула Ильве.

– Сама иди! – Ника изобразила неприличный жест и, одернув юбку, но не вниз, а вверх, так, что стала видна кружевная резинка чулок, заговорила: – Он диск оставил, там послание. Типа, знаю, что замочат, и потому завещание изменяю. Короче, теперь, если мы убийцу не найдем, то все этой жирной твари достанется, а нам – хрена. Вот такая шуточка.

– Простите, – прошелестело белесое существо в шали. – Мы волнуемся. Но Вероника правильно сказала...

– Да, Игорь и вправду предвидел то, что случилось. Он не был мнительным, и склонностей к панике я не замечала...

– Ты вообще мало чего замечала, – обрезала Ника, но Алла Сергеевна не собиралась уступать первенство. Интересный типаж. Все они тут интересные.

– Посему я склонна согласиться, что со смертью Игоря все обстоит несколько не так, как мы думали вначале. Инфаркт миокарда ведь можно спровоцировать?

– А чего ты на меня уставилась? Мне, что ли, надо было? Да у меня, если подумать, причин меньше всего, он, пока живой был, бабки башлял, а теперь все, конец Никушиной светлой жизни. Вперед, товарищи, к труду и обороне.

– Не обращайтесь на нее внимания, – посоветовала Ильве. – Вы Аллу слушайте, она толково излагает.

– Спасибо.

Ни тени тепла в голосе – профессиональная вежливость, кажется, работать предстоит в серпентарии. А что, я к змеям очень даже с уважением отношусь, к людям гораздо хуже. Впрочем, нехорошо заранее плохо думать о людях, и, улыбнувшись дружелюбно, я сказал:

– Я по-прежнему весь внимание.

– Яков Павлович, вы уже поняли, что дело не в сомнениях. Говоря начистоту, наше желание разобраться в обстоятельствах смерти Игоря несколько вынужденное. Он составил завещание таким образом, что до тех пор, пока не будет найден убийца, никто из нас не получит ни копейки. Мягко говоря, нас это не устраивает, поэтому мы и обратились к вам.

– Да, найдите эту тварь... – поддержала Ника.

– У нас есть мысль... я, надеюсь, вы правильно поймете, дело отнюдь не в личной неприязни, скорее в адекватном понимании и долгом знакомстве с человеком... Все-таки в некоторых случаях Игорь был поразительно наивен... Дело в том, что единственным человеком, которому смерть Громова принесла прямую выгоду и интересы которого не страдают при любом раскладе завещания, – это его друг. Точнее, подруга.

Алла

Подруга? До сих пор это словечко поперек горла стоит. Как же я ненавидела ее! Нет, не ревновала, вот честно, руку на сердце положу, ни минуты не ревновала. Уж больно Дусеньке с физиономией не повезло. Тут уж ничего не поделаешь, папа-мама хоть трижды круты, а дочка – слон линялый. Это свекровь моя, наивная, до последнего твердила, что Дусенька – славная девочка, и полнота у нее подростковая, и прыщи тоже, и перерастет все... В шестнадцать-то и подросток? Насмешила. Как на Гарика-то по-взрослому смотрела, а у этой прыщи, значит, юношеские.

Лицемерка. Обе лицемерки, и Дуся, и свекровь, мир праху ее. Вот бы порадовалась, если б удалось Гарика на Дусеньке своей ненаглядной женить. А мало не хватило: будь Дусенька постарше, будь родители ее не такими тугодумами, и кранты настали б Гарику. В общем, вовремя он в загс смотался, сошлись две дорожки на одних ступеньках... и осталась Дуся подругой. Все семь лет в спину дышала, подмечала, подглядывала, выискивала недостатки. Как же, я ж приезжая, деревенская, провинциалка, ухватившая лакомый кусок, не чета некоторым. А знала бы она правду... дерьмо ее Гарик, и я не лучше. Но все равно ее ненавижу.

Яков

Дело складывалось и вправду интересное. Я даже начал понимать, зачем Аким отправил эту пятерку ко мне: никак опасался, что сговорятся и утопят сообща эту Дусю. И ведь не в деньгах дело, не из-за наследства старается Алла Сергеевна, пытаясь убедить меня в том, что убить Громова было выгодно именно его, Громова же, старинной подруге. И остальные замолчали, больше не лезут, не перебивают, только кивают изредка, поддакивая.

– Последнее, – Алла Сергеевна немного успокоилась и говорила спокойно, ровно и местами медленно. – Мне не очень удобно говорить об этом, но у Дуси имелся еще один повод... личного характера.

– Да, – поддакнула Лиза. – Имелся. Аллочка, позволь я... это очень тонкая материя. Я уважаю чужие чувства, я понимаю, как это тяжело – видеть, как тот, кто создан для тебя и только для тебя...

– Лизок, ближе к делу, а то запарило торчать тут. Короче, Дуся в Гарика была влюблена.

– Давно влюблена, – поправила Ильве.

– С самого раннего детства, – вновь взяла инициативу Алла Сергеевна. – У них разница в шесть лет. Когда я вышла замуж за Громова, Дусе едва-едва исполнилось шестнадцать, но ее влюбленность была видна уже тогда. Мы надеялись, что со временем она пройдет. Перерастет, как, знаете, бывает...

– Но это было истинное чувство, глубокое и искреннее, такое, о котором думаешь с завистью и восхищением, потому что подобная преданность...

– Пугала, – обрезала Лизу Ильве. – Не знаю, как вас, но меня в свое время конкретно. Представьте: первая жена, потом вторая, третья, четвертая, а она все никак не сообразит, что ловить тут нечего. Ждет чего-то. А чего уже ждать?

Я слушал, пока дамы делились информацией – охотно, слишком охотно, чтобы им можно было с ходу верить. Надо будет порасспрашивать Акима, что за Дуся такая, если Громов его клиент, то и эту особу должен знать.

– У Дуси еще одна проблема имеется. Тонкая, но...

– Уродина она, – заявила Ника без всякой тонкости. – Жирная уродина.

– Ну, Ника несколько преувеличивает...

– Это ты, Алка, слишком вежливая. Политкорректная, блин. А она – жирная уродина.

– Дуся при росте полтора метра весит девяносто пять килограммов, – тихо подвела итог спора Ильве. – Это ее совершенно не волнует, как и собственная внешность. Косметикой она не пользуется, кожа – в ужасном состоянии, волосы и ногти тоже, про фигуру я молчу, манера одеваться – это просто какой-то кошмар, полное отсутствие вкуса!

– Дуся добрая. И умная, – очень-очень тихо сказала Топа.

– О да, если б с таким форматом она б еще и тупой была, – отозвалась Ника. – А тебя вообще не спрашивают, ты у нас первая под подозрением, уголовница ты наша!

– Я не уголовница! Я свидетелем была! Всего лишь свидетелем! И Гарик знал, и...

– Ага, тогда чего ты так распсиховалась?

Мне бы тоже хотелось знать. У девушки на щеках и на лбу вспыхнули красные пятна, как при аллергии, и лицо стало вдруг несчастным, обиженным, а собачонка, повернувшись к Нике, разразилась нервным лаем.

– Ну ты, держи свою псину покрепче.

Пришло время вмешаться.

– Тихо, милые дамы.

Топа

Тихо! И смотрит прямо в глаза. И страшно, потому что узнает. Такой точно всю-всю правду узнает. Не нужно было сюда приходить, не нужно, но как не пойти, если Мишка сказал? И добавил, что если она финтить вздумает, то будет плохо. Уже плохо: ребра болят и синяки не сходят, обычно быстро исчезают, на следующий день почти и не болят, а еще через два-три и совсем нет их, а тут дышать больно. Это он из-за завешания разозлился, вчера не дослушал даже, налетел. А сегодня сам синяки замазывать помогал, даже извинился.

– О каком деле идет речь? – спросил сыщик, и внутри все оборвалось. Мамочки. Нельзя правду говорить, и соврать она не сумеет. Как врать, когда он прямо в глаза глядит? А у самого серые, строгие, как у отца. Отец умер, давно, до того, как появился Секрет-о-котором-нельзя-рассказывать.

– Не стоит волноваться, – чуть мягче произнес сыщик. – Танечка, дело ведь старое?

Она кивнула. Старое, очень старое. И очень плохое.

– Уголовное?

...кто знал, что этот урод сдохнет? Кто знал? Я ж не хотел, малая, не хотел его... случайно вышло... я врезал разка, а он и окочурился, слабак... теперь точно искать будут, посадят. Слышишь, малая? Меня посадят, а тебя, дуру, в детдом...

– И вы проходили свидетелем? Неприятные воспоминания?

...ты там тоже сдохнешь, ты ж слабачка, ты ж сдачи дать не сумеешь, загнешься от голода или скурвишься. Чего реवेशь? Думаешь, мне на зону охота? Нет, малая, неохота. Поэтому сейчас договариваемся, ты помогаешь мне, я тебе. Сестра и брат должны помогать друг другу? Так папка велел... ради него, малая, говори, что я сегодня дома был... а я тебе щенка куплю. Ты ж хотела щенка. Сама выберешь какого. Только сначала пусть дело закроют... ничего, малая, закроют. Прорвемся. Ты и я.

Яков

Врет девка, врет и краснеет, густо, отчаянно, так, что всем ее ложь очевидна: Алла Сергеевна глядит снисходительно, Ника – откровенно раздраженно, хотя эта особа, как мне кажется, всегда чем-то раздражена, Ильве – брезгливо, а Лиза с откровенной скукой.

А Топа врет. Оправдывается, говорит про то, что когда-то давно, очень-очень давно, случилось ей быть свидетельницей по уголовному делу, в котором оказался замешан ее брат, а на самом деле он не был виновен, потому что весь вечер дома провел, с ней. Не верю. Интересно, почему следователь поверил? Или ему она врала убедительнее?

Надо будет дело подымать.

– Ой, Топка, ну хватит уже, невинная ты наша. – Ника нарочито широко зевнула. – А вы не слушайте. Если Гарик заинтересовался, значит, имел резоны.

– Тобой он тоже заинтересовался, – неожиданно зло огрызнулась Топа и собачку свою обняла покрепче.

– Мои интересы не про твою душу.

– Ну почему же, мы ведь, кажется, решили быть максимально откровенны. Это выгодно нам всем, – заметила Алла Сергеевна. Она же и пояснила: – У Ники имеется квартира, вот только она зачем-то снимает другую. Вопрос, зачем? И почему этот факт привлек Гариково внимание?

– Не твое собачье дело!

Не ее, это точно. Мое. Я хоть и не собака, но на заметку возьму. Чем можно заниматься на съемной квартире? Вариантов уйма, начиная от встреч с любовником и заканчивая торговлей наркотиками. Впрочем, на наркоманку Ника вроде не похожа...

– Ты про себя расскажи лучше, правильная ты наша.

– И расскажу. Меня, вернее, мою фирму... У меня свой бизнес, не так чтобы большой, скорее скромный, но Гарик одобрял, помогал чем мог... Он вообще добрым был, участливым, но вот... в общем, он заподозрил «АллКор» в мошенничестве. Беспочвенно, совершенно беспочвенно.

Тоже не верю. Дамочка улыбается, глядит прямо, с вызовом, а пальчики-то, пальчики теребят замочек сумочки. Нервничает. Замазан твой «АллКор» и ты сама, осталось только выяснить, где и насколько серьезно.

Прав был Аким, интересное дело намечается, даже почти готов простить за ранний подъем.

– Меня он заподозрил в том, что я завела любовника... я – и любовника? – с наигранным удивлением призналась Лизхен, прижав бледные ладони к шали. – Я Игоря любила...

– Все мы тут его любили. Только кто-то же замочил. Ильве, ты одна у нас осталась, давай признавайся, где нагрешила.

– Ника, твой юмор здесь неуместен. Яков Павлович, дело не в грехах, а во внезапной паранойе Игоря, он с чего-то вдруг решил, что он не отец Роме...

Внезапная паранойя? Вот именно, что внезапная. Ударившая по всем и сразу. Непонятная и очень своевременная в сложившихся условиях. Любопытная.

Лизхен

И этот человек способен им помочь? Он вообще на что-то способен? Сомнительно. Выглядит таким... таким... уныло-блеклым? Вот именно. Отвратительно блеклым. Бледная, дряблая, с порами и морщинами кожа, узкие невыразительные губы, приплюснутый нос. Залысины, волосы редкие, рыжеватые. Отвратительно. И неудачник к тому же. Некрасивые люди удачливыми не бывают, это мама говорила, и я верю.

Зачем Аким нам его порекомендовал? Или назло, потому что знал, что не справится? Нужно будет поговорить с Аллой, она разумная, она не может не видеть, что это чудовище ровным счетом ни на что не способно. Господи, да достаточно на кабинет его поглядеть. У приличных людей офис, а не комнатуха в квартире. И мебель старая, и ремонт давно не проводили, потому что он – неудачник.

Нет, тут иначе действовать надо, совершенно иначе. И неважно, справится сыщик или не справится, но если у Витеньки выйдет все так, как я задумала, то мы будем в выигрыше.

Мы обязательно будем в выигрыше и вместе. Витенька меня любит, потому что я – красивая.

Яков

Мысль-крючок не давала мне покоя, свербела в носу и зудела в ладонях, которые я, стараясь не привлекать внимания, осторожно поскреб о край стола. Полегчало. Но мысль-то, мысль...

– Скажите, а у вас нет идей, откуда он мог узнать о готовящемся убийстве?

Глядят бараньими глазами, все пятеро. Растерялись? Удивились? Неужели самим в голову не приходило? Придется объяснять.

– Подозрения из ниоткуда не берутся. Ну сами посудите, у покойного претензии не к одной, не к двум из вас, а ко всем пятерым. Откуда?

– Дуська! – первой воскликнула Ника. – Она вечно все вынюхивала-высматривала.

– Пожалуй, да, – согласилась Алла Сергеевна. Охотно так согласилась, радостно даже. – У Дуси специфический характер, она неглупая, даже скорее наоборот, наблюдательная, Игорь ей доверял.

А вас пятерых она, стало быть, недолюбливала. Читается без слов, по взглядам и обиженно-удивленным выражениям лиц. Интересно будет познакомиться с этой Дусей.

Ну Аким, удружил.

– Она могла не выдержать, – теперь говорила Ильве. – Ну, когда Игорь женился на Лизхен. Дуся-то считала, что все, он успокоился, что теперь только любовницы и никаких жен, а она, значит, в доме хозяйкой останется. А тут сюрприз. Естественно, ее это крепко разозлило, вот и начала копать...

– Да придумывать она начала, а не копать!

– Вполне вероятно, Ника права. Я охотно допускаю, что Дуся способна извратить факты так, чтобы подать нас всех в невыгодном свете. И заметьте, Яков Павлович, до чего удобно получается. Мысли о нашей нечистоплотности она Игорю подкинула, он завещание изменил, а вот результатов затеянного расследования не дождался. Умер. – Алла Сергеевна замолчала, позволяя оценить ход мысли. Ход был, признаться, довольно интересным и не лишенным логики. Дуся-Дуся-Дуся. Желание познакомиться с ней становилось все более сильным. И, похоже, чем раньше состоится знакомство, тем больше у меня шансов получить относительно не замутненное впечатление.

Ехать решили немедленно, благо транспорт у дам наличествовал.

У Аллы Сергеевны – строгих линий и благородных кровей «Мерседес». Цвет – темный асфальт, тонированные стекла, светло-бежевый кожаный салон, в который боком, с кряхтением, втиснулась Ника. У той автомобиля не было. У Топочки тоже, но села она к Ильве, в сияющий хромом и лаком черной шкуры джип. Лизхен предупредительно открыла дверь мне, на лице у нее застыло радушное выражение, которое несколько портили брезгливо поджатые губки. А машина – невыразительный темно-синий «Форд», скромный по сравнению с соседями по парковке.

Мелькнула мысль отправиться на своей, но отбросил – вряд ли предложение подвезти предусматривало только саму доставку к месту основного действия.

– Я еще не очень хорошо вожу, – поспешила объяснить Лизхен, расправляя складочки шали, несколько примятой ремнем безопасности. – Всего пару месяцев с правами, Игорь поэтому и машину подарил, чтобы не жалко было... а потом обещал нормальную. Обещал.

Она всхлипнула, но скорее сожалея о машине, чем о супруге.

– Господи, до сих пор ума не приложу, как это могло случиться? Игорь, он ведь ни словом не обмолвился, что собирается завещание менять... и что меня в чем-то подозревает, а потом вдруг раз – и эта грязь. Ненавижу грязь в людях!

Я тоже. Только, кажется, разговор пойдет не о том. Теперь понятно, почему они впятером приехали – не доверяют друг другу, боятся, что кто-то перетянет меня на свою сторону.

– Вы заводите, заводите, нам ехать пора.

– Сейчас, – она положила руки на руль и повернулась ко мне. Огромные ярко-голубые глаза на бледном полупрозрачном личике. Красиво. – Вы поймите, я совсем одна осталась, они все меня ненавидят за то, что Игорь женился. Он не собирался больше, когда с Ильве развелся, так и заявил, что все, последний брак, а потом меня встретил.

– Где?

– Ну... случайно. Я шла, ногу подвернула и упала. Дождь, грязь, неприятная ситуация, обидная очень, я в таких теряюсь, и тогда тоже... даже заплакала от обиды, а тут машина останавливается, надо мной зонт раскрывают, помогают подняться, усаживают в салон... Игорь, он особенный... я с первого взгляда влюбилась в него, а он – в меня, это... это предначертание.

Или ловкий трюк. Немного неудобно, все-таки существует вероятность, что все именно так, как говорит девушка, но уж больно ситуация театральностью пахнет. Прямо-таки воняет.

– Игорь до последнего о женах своих не говорил, – трагический шепот, опущенные ресницы, тень локона на щеке. – Я знала, конечно, что брак у него не первый, но, когда они на свадьбу заявили, едва не умерла от стыда. Игорь потом долго извинялся. Ужасная была сцена. Ника прямо там орать начала, обзывать меня, Алла, конечно, ее успокаивала, но не слишком старательно. Ильве с ребенком пришла, тот в слезы, потому как решил, что Игорь теперь его любить перестанет, а Рома – ну вылитая Ильве, от Игоря в нем ничегошеньки нету.

Вот так интересное дело. Значит, последний брак всем поперек горла был? И дамы не постеснялись устроить на свадьбе небольшой скандал? А покойный, значит, не сумел предвидеть подобного поворота событий? Сомнительно.

– А Топа с кем пришла?

– Топа? Нет, не помню, может, ее вообще не было? Она тихая, станет в уголочке и молчит... я вообще ее безобидной считала, а тут уголовное дело. Знаете, я так удивилась. Топа и уголовное дело! Ну никогда нельзя быть уверенной в людях, теперь вот от мысли не могу отделаться, что это она Игоря убила. А что? Скажете, нет?

– Не скажу.

Слишком рано говорить о чем-то, тем более версии строить, но с делом разобраться надо будет. И Акиму позвонить, пусть помогает, раз уж втянул меня в эти женские разборки. И Ленчику, хватит отдыхать, работа появилась.

– Честно, я в такой растерянности... я вот начинаю думать о ком-нибудь, и...

– И приходите к выводу, что этот человек тоже способен на убийство.

– Да! Вот именно, – воскликнула Лизхен, всплеснув ладошками. – К примеру, Алла. С одной стороны, она, конечно, бизнесом занимается, успешная, а с другой – почему тогда она Игоря в покое не оставила? Постоянно приезжала, в доме крутилась. И замуж не вышла, даже любовника не завела. Ну, я так думаю, что не завела.

Ника

Как она меня заводит! Только гляну и стервенею прямо, руки и то дрожать начинают. От злости, а не от коньяку. Сколько я выпила? Да граммов двадцать, для здоровья можно, полезно даже. А Алка глядит неодобрительно, вроде на дорожку, а все равно на меня косится. Смотри-смотри, в свое время я на тебя насмотрелась. Что, небось думает, сопьюсь? Ждет не дождется. Я – не алкоголичка и никогда ею не буду, спасибо маменьке, показала, чем чревато. Нет уж, я пробьюсь, один раз ведь сумела, и второй получится, просто пока не везет.

– Ника, ты могла бы не курить?

Могла бы, но не буду. А что, пусть терпит. Что, из милости меня подкинуть решила? Чтоб подчеркнуть, что я – неудачница, даже тачки нету? А на кой мне тачка? Меня и так доставят куда надо, только свистни, и все будет.

Правильно. Все у меня будет. Впереди. Главное – не расслабляться, не распускаться. Держать себя. И ведь хороша пока, хороша. Подбородок, правда, чуть подвисает, веки набрякли, так это мелочи, одна подтяжка все исправит, были бы деньги.

Вот именно, нету денег. Те, которые хата приносит, в бездонную трубу улетают. Да и опасно связываться. Доказать-то, если вдруг, конечно, прижмет, не докажут, но в дерьме извальяют по полной. Нет. Стоп. Не об этом надо думать, сейчас основное – кусок получить. Ну, спасибо, Гарик, кинул кость, два процента, одна шестая дома... ничего, я не гордая, я и этому рада.

Эх, сейчас бы взбодриться, но Алка снова шпынять станет.

– Слушай, как ты думаешь, что она ему наговорит? – Горло после сигарет дерет, голос хриплый, но так даже лучше, сексуальнее. Сексуальность – наше все.

– А ты как думаешь? – Алка снисходит до ответа. – Скажет, что ты развела меня с Игорем, что потом, после свадьбы, он застал тебя с любовником и снова развелся. Что Топочка вовремя умудрилась прыгнуть в опустевшую постель, а ребенок Ильве, вероятнее всего, вовсе не от Громова. И что мотивы избавиться от Игоря были у каждой из нас.

Да, это точно. Что бы Гарик сделал, узнай он правду о квартирке? А фиг его знает, может, сдал бы, может, просто прикрыть бы велел.

– На самом деле нам всем выгоднее было бы придерживаться единой версии. Все же, как ни крути, Дуся – наиболее удобный... кандидат.

Это она верно подметила. Удобный. Ничего против толстухи не имею, но своя шкура дороже.

Яков

К тому времени, когда Лизхен решила-таки тронуться с места, голова моя распухла от обилия информации, правда, весьма и весьма сомнительного толка, но для начала сойдет.

Ехали мы долго. Дом, оставленный Громовым женам и подруге детства, находился за городом. Он был большим и обыкновенным: ни колонн, ни лестницы со львами, ни атлантов с кариатидами, поддерживающими портик, ни самого портика. На все еще зеленом газоне, разрезанном пополам дорогой, расположилась обыкновенная серая громадина в три этажа, с аккуратными прямоугольниками окон, равномерно размещенных по фасаду, с солидной металлической дверью, над которой предупреждающе подмигивал красный глазок видеокамеры. За дверью начинался необъятных размеров холл: ядовито-зеленый ковролин, яркий, резкий свет ламп, от которого глаза моментально резануло болью, стерильная белизна стен и потолка да черная мебель.

– У Игоря были специфические предпочтения. Ну, да скоро сами увидите, – Лизхен придерживала меня за локоть, при этом сама старалась держаться в отдалении, в результате чего со стороны мы смотрелись презабавно, благо зеркало, чтобы оценить, имелось.

– Я собиралась все тут переделать, я больше тяготею к классицизму, но теперь даже не знаю, имею ли право что-то менять. Как вы думаете?

Никак. Я же юрист, и, честно говоря, мне все равно.

– Остальные уже приехали, наверное, в гостиную. А прислуги нет, после похорон Дуся всех распустила... вернее, почти всех. По-моему, это крайне глупо, Евгении одной тяжело управляться с домом, а Валя у нас дальше кухни не ходит.

Холл сужался в коридор, который через несколько метров расходился в пространство огромного зала. Белые стены, уходящие вверх, почти неразличимый потолок, четыре колонны, между которыми начиналась винтовая лестница, подымавшаяся сначала на второй, а потом и на третий этаж. Искусственная зелень, все тот же яркий, неестественный свет, удручающая массивность хрустальной люстры, блеск паркета. Создавалось стойкое ощущение ирреальности. Как декорации, дорогие, но все же невыносимо искусственные. Нет, мне здесь определенно не нравится.

– Ну что, Лизок, все успела доложить? – Ника сидела на ступеньках, вытянув ноги. Колготки-сеточка, красные босоножки с открытыми носами, красная юбка, вызывающе яркая и вызывающе короткая.

– Кто, с кем и сколько раз? Яков Павлович! Можно, я буду называть вас просто Яша?

Она поднялась, ухватившись за перила, покачнулась, икнула.

– Уже успела нажраться, – мрачно отметила Лизхен.

– Э, нет, не нажралась. Нервы успокоила. Здесь иначе нельзя, Яша, крыша съедет. А мы вас ждали... ждали, ждали и вот, – Ника развела руками и опять икнула. – Даме руку не предложите? А то ж навернусь на фиг.

Она вцепилась в другой локоть и, в отличие от Лизхен, прижалась, дыхла коньячными парами, облизнула полные губы.

– Остальные где? – поинтересовалась Лизхен.

– В зале. Ждут. И Дуська приехала. Прикинь, и не одна! Скоренько она печалиться по Гарику перестала, а? Ты, Яш, не думай, я не сплетничаю. Я инф...инфр... информирую, – выговорила она наконец. – Идем. Убедишься, что не вру. Ника вообще никогда не врет, за это и пострадала.

Собственно говоря, зал не был залом, скорее уж больших размеров кабинетом, который разительно отличался от увиденного ранее строгостью и даже некоторой английской чопорностью обстановки. Дубовые панели, тяжелые гардины с витыми золотистыми шнурами, мас-

сивный стол, инкрустированный вставками красного и черного дерева, и в противовес ему нарочито легкие стулья с атласной обивкой. Софа. Диван. Морские пейзажи в резных рамах. Живые цветы в углах.

Пятеро бывших жен Громова и незнакомка.

Дуся. Я сразу понял, что это именно она, и сразу разочаровался, потому что полученное описание соответствовало увиденному. Не было в Дусе ни грамма роковой красоты, ни шарма, ни обаяния. Унылая серость. Массивная серость. Неопределенной длины волосы – вроде бы и не короткие, но и длинными не назовешь: еще немного, и коснутся по-мужски широких плеч, обтянутых розовым свитерком. Забавно, но даже этот вызывающе яркий цвет лишь придавал Дусиному облику унылости. Как и черные брюки классического кроя, плотно облегавшие живот и бедра, и очки на веревочке, болтающиеся где-то на уровне груди, и тапки с загнутыми вверх носами.

– Здравствуйте, – сказала она и моргнула. И я моргнул, потому что в этот момент Дуся вдруг стала яркой. Всего на долю секунды, на миг, который с легкостью можно было бы вычеркнуть из памяти. Показалась – и не было оттенка рыжины в густом каштановом глянце волос. Показалось – и глаза у нее серые, а не серо-голубые. Показалось – и полнота фигуры совсем не уютная, не домашняя. Показалось.

– Чего показалось? – переспросила Ника, отлепляясь от меня. Оказывается, я говорил вслух. Жаль. Не люблю доверять людям случайные мысли.

– Это наша Дуся! Дуся, а это – Яша.

– Яков Павлович, если позволите, – стало до отвращения неприятно, потому что теперь Дуся будет думать, что я – мальчик на побегушках для девочки-алкоголички. Хотелось бы остаться Яковым Павловичем.

– Дуся, – просто ответила Дуся. И руку протянула, а я пожал. И все-таки глаза у нее серо-голубые, ясные, а ручка крохотная, влажноватая и теплая.

Да, что-то не то со мной творится, определенно не то.

– Дуся, ты мне все же ответь, – Алла Сергеевна продолжила разговор, прерванный моим появлением. – Зачем ты его сюда притащила? Тут же охраны нет! Понимаете, Яков Павлович, эта статуя безумно дорогая, ей только в банке и храниться...

– Теперь нас ограбят, – печально вздохнула Лизхен.

– И убьют, – добавила Ника, икнув.

Ильве

Ограбят, убьют – да кому вы нужны, идиотки! А Дуся в своем репертуаре, корова бескорыстная. Плевать, что Пта миллионы стоит, плевать, что в доме охрана от дураков, нет, душевная близость ей дороже всех опасностей. Смех, да и только, какая душевная близость с куском золота? Ну, пускай с очень дорогим куском золота, но эта корова не о деньгах думает!

А сыщик наш запал... молодец, Алла, отыскала единственного в городе придурка, который запал на Дусю. Ишь как глазами мусолит, того и гляди на колени бухнется и руку с сердцем предлагать начнет. Не было печали, а ведь хорош был план, хорош. Свалили бы все на Дусю, доказательства сбавили б, и пожалуйста, все в шоколаде. Убийцам наследство не положено, а значит, завещание можно опротестовать. А если опротестовывать, то право наследования имеем только я и Лизка... ну, с Лизкой бы я поделилась, не жадная, а остальные утерлись бы.

Нет, все же интересно, что он в ней разглядел? Или разглядывает? Улыбается – придурок придурком, а поначалу вроде ничего показался, толковым. На бухгалтера похож: лысинка, костюмчик, рожа печальная, уши враспыр. Хороша парочка...

Надо будет к дяде приглядеться. Заняться им вплотную. Ради Ромочки.

– Это потому, что курган раскопали! – громкий шепот заглушал и потрескивание огня, и ночные шорохи, и даже далекие грозовые раскаты, доносившиеся то с одной, то с другой стороны. А небо чистое, ни облачка, ни тучки, звезды крупные, луна красная глазом больным уставилась. И страшно, и тоскливо оттого, что образованный интеллигентный человек по сути своей дик и беспомощен.

Не слушать тех, кто шепчется, – уйдут. Вчера трое, сегодня еще двое, а к утру и вовсе никого не останется. Надо бы выйти, поговорить, объяснить, что не существует прямой связи между болезнью и разрытым курганом, что начавшаяся эпидемия вполне закономерна в силу полного несоблюдения правил гигиены, что привезти ее мог тот же красноармеец-почтальон или вообще кто угодно...

Так думалось Ивану Алексеевичу, но мысли эти, логичные и правильные, не успокаивали. Наоборот, только хуже становилось, будто он нарочно пытался нечто выдумать, заглушить первобытный страх.

Он вернулся в палатку, ко все еще недописанному письму, вяло в десятый раз перечел строки, каждую из которых знал наизусть, и понял, что не сможет сегодня остаться в одиночестве.

Сонечка больше не приходила, да и не нужна она. Не по ней тосковал Иван Алексеевич, но по людям с их суетливостью, глупостью, суеверностью. К костру вернуться? Нет, те, что собрались у огня, не примут его в свою стаю, он отличен образованием и манерами, а что еще хуже – в их миропонимании, виновен в происходящем. Остается Сергей и... и Соня.

Господи, когда и как он, взрослый человек, умудрился поддаваться соблазну? И как теперь смотреть им в глаза? Днем проще, а вот ночью, странно-предгрозовою, с громом, но без молний, при свете керосиновой лампы, при близком ландышевом ее запахе, все видится иначе. Все и будет иначе.

Но альтернатива – одиночество.

Иван Алексеевич мучился недолго, а шел еще быстрее, палатки-то рядом.

– Вечер добрый.

– Добрый, – не слишком радостно отозвался Сергей. Сегодня он особенно бледен, не заболел ли? Или это от морфия? Сколько Сонечка травила мужа? Неделю? Две? Он должен был бы привыкнуть и теперь страдать, не получив вовремя дозу, не понимая, отчего ему так плохо.

– Озноб? Головная боль? Головокружение? Мышечный тремор? – Иван Алексеевич давил словами угрызения совести и снова и снова клял себя за бездумность. Нет, Сергей не был другом или человеком близким, но от этого совершенная в отношении его подлость не становилась менее отвратительной.

– Я не болен.

– Он не болен, – повторила Сонечка, проводя рукой по лбу супруга. Она тоже выглядела бледной, с лихорадочным румянцем на щеках и россыпью пота на лбу.

– А вы?

– Я? – Руки метнулись к губам. – Я... я, Иван Алексеевич, тоже совершенно здорова.

– Зачем вы пришли? – Сергей оторвался от записей, отложил перо, потер пальцами виски, все-таки головная боль его мучила. – Что вам здесь надо?

– Скука, – соврал Иван Алексеевич.

– Значит, в этом дело? В скуке?

– Серезенька, успокойся, тебе нельзя нервничать!

– Отстань, – он стряхнул ее руки, раздраженно и как-то брезгливо даже. – А вы? Вы так и не ответили, что вам нужно здесь? Почему не оставите нас в покое?!

– Мне просто подумалось... в нынешней ситуации лучше бы держаться вместе, все-таки люди во многом невежественны, склонны к мистицизму и драматизму...

– К театральности, хотите сказать? – помогла Сонечка.

– Я хочу сказать, что мало ли до каких выводов они способны дойти. Они полагают виновными в болезни нас, они боятся, а страх, помноженный на невежество, опасен.

– А кто виноват? Не вы ли, дражайший Иван Алексеевич?! Вы ведь придумали сюда идти... вы ведь копали... копали... всюду лишь бы копать! Да не трогай ты меня!

– Не уподобляйтесь этим невеждам, – Иван Алексеевич проигнорировал истерическую вспышку, лишь мысленно сделал пометку – подыскать по возвращении другого ассистента, более уравновешенного. И тотчас удивился, что еще верит в возможность вернуться, даже прикидывает, как бы полочнее сделать так, чтобы Оленька с Соней не пересеклись... Торжественный ужин, обычно устраиваемый по прибытии в Москву, придется отменить. Что ж, болезнь – удачный предлог. Следующее, что удивило Ивана Алексеевича, – отсутствие боязни заразиться, будто где-то в глубине души он знал – такое невозможно, не его это судьба. Впрочем, в судьбу он не верил.

– Я не уподобляюсь, я точно знаю, что вы виноваты... и в чем. А еще знаю, что вас ждет.

Сергей перешел на судорожный шепот, задыхаясь, рванул рубашку, обнял ладонями горло, застонал, но Сонечку, кинувшуюся было со стаканом воды, оттолкнул. Бледное лицо его покрылось крупной испариной, а глаза, прежде светлые, стали черны и страшны. Определенно, Сергей оказался весьма чувствителен к морфию. Как мало времени все-таки надо, чтобы превратить умного интеллигентного человека в истеричное существо.

– Вы думаете, вам позволят вывезти все это? Вы думаете, они не следят? Они стерегут свои сокровища!

– Кто они? Успокойтесь, милейший, возьмите себя в руки. – Иван Алексеевич усилием воли подавил желание наорать на этого безумца. Нельзя поддаваться панике. – Завтра или послезавтра приилют машины, а с ними и охрану. По мне, так лучше бы работников больше дали.

– Работников? Все вам мало. Сколько не дай, все мало... жадность – ваш порок. А твой, Сонечка, жена моя любимая, – гордыня да лицемерие... ну а мой – слабость. Трусость. Неспособность... – Он замер, уставившись в угол палатки на черный квадрат сейфа. Моргнул, потер глаза и совершенно иным тоном произнес: – Иван Алексеевич, извините, я что-то

неважно себя чувствую. Наверное, подхватил-таки... вы бы шли к себе. Сонечка, милая, дай водички, пожалуйста, пить очень хочется. И голова болит. Почему так болит голова?

Иван Алексеевич вышел. Ночь снаружи была привычно тиха и спокойна, раскаты грома, если это гром, умолкли, и теперь только приглушенные голоса, храп да конское ржание нарушали тишину. В воздухе пахло дымом и свежим навозом, а еще немного – сухой, пыльной землей из развороченного кургана. Спать не хотелось, было странно – не больно, не страшно, а предопределенно, когда будущее близко-неотвратимо, и потому принять его следует не со смирением, но с пониманием.

Вернувшись к себе, Иван Алексеевич достал чистый лист бумаги, встряхнул непроливашку, в которой чернил осталось едва ли на треть, и, соскоблив с пера черную пленку, вывел знакомое: «Здравствуй, Оленька».

Потом, отодвинув в сторону растрепанный дневник, чашку с блюдцем, хронометр да коробку с компасом, который вовсе не был тут нужен, зачем-то достал из сейфа фигурку золотого человечка, поставил перед собой и продолжил:

«Прости меня, милая моя, если сумеешь. Теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь тому, сколь самоуверен и самолюбив был, сколь мало думал о тебе и Тошеньке, увлеченный наукой, которая, по сути, никому и не нужна, разве что оголтелым безумцам вроде меня.

В этой жизни мне не о чем жалеть, разве что о днях, проведенных вдали от тебя, об упущенном времени нашего с тобой совместного счастья. Верно, ты удивляешься, ведь прежде я никогда не позволял себе писать в подобном тоне, верно, ты обеспокоена, гадаешь, что же случилось...»

Черная капелька кляксой растеклась на бумаге, но Иван Алексеевич, прежде с раздражением относившийся к подобного рода пометкам, теперь не потянулся за промокательной бумагой, но продолжил писать:

«Да, Оленька, случилось. Я совершил поступок, который причинил боль многим людям, и причинит еще, потому что скрыть от тебя эту измену я не смогу, да и не хочу скрывать: ты имеешь право знать и судить. Сам себя я уже осудил».

Толстый человек печально улыбался, лицо его, лоснившееся довольством, приобрело выражение огорченное и обиженное, но в то же время чудилось, что он внимательно наблюдает за Иваном Алексеевичем.

«Я не в силах исправить прошлое, но в силах изменить будущее...»

Вывел и замер, задумавшись. А верно, верно... или дикость все же? Невежество, которое он всегда осуждал? Преступление против науки, совершенное им для того, чтобы оправдаться за измену. Как-то перепуталось все, переплелось.

«Надеюсь лишь, что мой поступок не принесет вам еще больших несчастий, но иначе не могу, я должен, Оленька, и прости меня, пожалуйста, если сможешь. Поцелуй Тошеньку...

И я тебя целую. Прощай».

Он с трудом дождался момента, когда чернила высохнут, сложил лист вчетверо, запечатал в конверт, который подписал торопливо и нервно. Нечто новое, появившееся сейчас, заставляло спешить, думать о невозможном.

Преступление. Это будет преступление. Ему не простят, но... но как знать, нужно ли ему это прощение? Время ему нужно и помощь. Впрочем, Иван Алексеевич знал, у кого ее просить.

Задуманное удалось исполнить без особых трудностей, будто бы и вправду мерные удары бубна, на которые Иван Алексеевич старательно не обращал внимания, туманили восприятие людей. Или горький дым, уже не подымавшийся в небо, а стлавшийся по земле, отравлявший воздух специфической травяной вонью. Вдохнешь – и накатывает слабость, выдохнешь – и тянет прилечь, закрыть глаза, позволить сознанию погрузиться в нервный сон.

И никто вокруг не придавал значения ни дыму, ни бубну в руках старика в грязном халате, ни веренице лошадей, на которых торопливо грузили тюки. Торопливые объяснения Ивана Алексеевича про целесообразность отправки экспонатов иным путем, нежели первоначально принятый, были выслушаны равнодушно, и, договаривая, он уже понимал – никому-то они и не нужны.

Дым подымался выше, к горлу подкатывала тошнота, которую Иван Алексеевич сглатывал снова и снова, уговаривая себя потерпеть еще немного, и удивлялся тому, сколь медленно идет процесс погрузки. А потом и лошади, и люди – плосколицые, узкоглазые и молчаливые – вдруг исчезли, и осталась лишь трава. Высокие стебли тянулись к небу, смыкаясь перед глазами решеткой, сквозь которую темным кругом луны виднелось чье-то лицо.

– Правильно сделал, правильно... спи-спи-спи...

Ухнул бубен, закричала птица, завyla собака, наступило беспамятство.

– Иван Алексеевич! Иван Алексеевич! – этот голос звал вернуться, и Иван Алексеевич слабо рассердился и на него, и на себя за то, что послушаться не смеет.

– Иван Алексеевич! Беда! Беда случилась!

Сонечка рыдала, круглые слезы прозрачным жемчугом катились по щекам и падали на белое полотно блузки, оставляя пятна-отметины.

Голова гудит. И во рту сухо.

– Пить дай.

Сонечка тотчас подала воды и, пока Иван Алексеевич пил, торопливо принялась рассказывать:

– Они приехали, а тут все спят... все-все... и Серезенька, и я, и вы как мертвый, и охрана! Обокрали нас, Иван Алексеевич, все-все вывезли, даже кости.

Значит, получилось. Испытываемое облегчение было таким невероятным, что Иван Алексеевич не удержался от стоны. Сонечка мигом принялась хлопотать.

– Их найдут, их обязательно найдут... это беспрецедентно, Иван Алексеевич! Это невероятно...

—...и невозможно представить, чтобы подобное было осуществлено без помощи отсюда, – строго произнес товарищ в кожанке. Странно, Ивану Алексеевичу казалось, что мода на подобные вещи уже прошла. Как и на подобных товарищей – худых, с плохими зубами, ирамом на щеке да пролетарской яростью в подслеповатых глазах. Он говорил громко, он кричал, порождая приступы головной боли, которые, правда, с каждым разом становились все слабее, он требовал ответа.

– Предатель здесь! Предатель будет найден, и он, товарищи историки, расскажет нам, чем руководствовался, покушаясь на социалистическую собственность! Он ответит за это преступление против народа по всей строгости! – удар кулака в грудь и долгий взгляд, адресованный Сонечке.

Немного боязно, но Иван Алексеевич утешался мыслью, что этот пес – цепной, громкий и бестолковый, думать не способен, а значит, не способен и испортить задумку.

Он долго говорил, безымянный комиссар, и давший почтальон-красноармеец стоял рядом, кивая и глядя на всех с явной насмешкой и презрением. Письмо... они найдут письмо... что в нем? Иван Алексеевич попытался вспомнить, но если первые строки плотно врезались в память, то последние, созданные под влиянием момента, напрочь исчезли.

Есть ли там намек на его участие? Им хватит и малости. Арестуют. И Оленьку тоже. И Тошеньку. Господи, господи, до чего беспечен он был, до чего неосмотрителен...

– До выяснения обстоятельств покидать лагерь кому бы то ни было запрещается! – резюмировал товарищ. – Все личные вещи должны быть предъявлены к досмотру.

Письма не нашли. Куда оно могло исчезнуть, Иван Алексеевич не знал, лишь порадовался – Оленька теперь в безопасности.

Дуся

Почему он разглядывает меня так пристально? Бабушка бы сказала «непристойно пристально» или еще «недозволительно». И руку держит не больно, но сдавил, и смотрит, смотрит. А мне все неудобнее и неудобнее. Все страньше и страньше. И потому говорю очередную глупость:

– Толстый Пта не любит одиночества.

Господи-ты-боже-мой, до чего стыдно! Он теперь будет думать, что я – сумасшедшая.

– А кто ж его любит? – ответил Яков Павлович и руку выпустил.

Какое у него имя замечательное – Яков Павлович. Павлович Яков.

– Что?

– Нет-нет, ничего.

Совершенно ничего, так, глупые мечты старой девы. Наваждение медленно отступало, человек, только что показавшийся вдруг особенным, начал отдаляться, становясь похожим на всех других людей – жестоких, язвительных и склочных. Хмурых. И при взгляде на меня хмурящихся еще больше. Ему, наверное, рассказали, что я толстая и некрасивая, что я имела самые веские мотивы убить Гарика, что получила самую большую выгоду от его смерти.

– Дусенька, – приторно-сладкий голосок Ильве вывел из задумчивости. – Дусенька, мы посчитали нужным нанять Якова Павловича, чтобы он помог нам всем разобраться в происходящем.

Неловкое пожатие плеча, какое-то виноватое, взгляд в сторону, поза вполоборота. У него красивый профиль, с тяжелым подбородком и крупным носом. Лоб высокий, бабушка утверждала, что это свидетельствует об уме, но, наверное, ошибалась. У бабушки были устаревшие представления о мире – это уже Гариково мнение.

Странно, нет больше ни бабушки, ни Гарика, зато есть человек, который будет доказывать мою вину, и этот человек мне симпатичен. Вот ведь глупость... и пошлость. Палач и жертва, сюжет любовного романа, в финале которого героиню ждет счастье.

Это вряд ли. Пока меня ждет лишь Толстый Пта. И Виктор. Еще одно странное знакомство на сегодняшний день.

Виктора я, по Никиному выражению, «подцепила» у банка.

Бессонная ночь, привычные отеки под глазами, ледяные ступни, которые пришлось растирать камфорной мазью, а потом долго смывать с рук навязчивый запах. Завтрак, когда есть ну совершенно не хочется. Запылившаяся в дальнем углу гаража «Волга» и Гариков «Нисан Патрол», оставшийся в гордом одиночестве.

Потом был вежливый Аким Андреевич, долго и нудно уговаривавший не трогать статую. Он твердил о безопасности, о том, что хранить подобную вещь в доме – безумие. Он даже ювелира предлагал, который в кратчайшие сроки изваял бы мне точную копию.

Я отказалась. В копии не будет души, с копией я не смогу говорить, как когда-то в детстве, жаловаться на обиды, рассказывать о достижениях, которые родителям казались крохотными и недостойными внимания (и вообще хвастаться неприлично); копия не будет сочувствовать и дарить волшебные сны, где жизнь – почти полное отражение настоящей, только много-много лучше.

Акиму Андреевичу я ничего не объясняла, просто настояла на своем. Он согласился, проводил в подвал – сухой, чистый, пахнувший озоном и освежителем воздуха, и удалился.

Там, в подвале, я сказала Толстому Пта:

– Здравствуй.

А он нахмурился и не ответил. Он был обижен за то, что я когда-то бросила его, пусть и не по своей вине. Но мы помиримся. Это я ему тоже сказала. И бережно завернула в сухой ломкий бархат, а потом – в ломкую же, отливающую глянцем упаковочную бумагу.

Из банка я выходила почти счастливой и даже улыбнулась охраннику, любезно приоткрывшему передо мной дверь. За ней-то меня Виктор и поджидал.

– Позвольте, помогу? – Молодой человек бросился наперерез и выхватил из рук пакет. – Женщины не должны таскать тяжести!

У него обаятельная улыбка, прямой, искренний взгляд, родинка на крыле носа, ямочка на подбородке, светлые вихры. В общем, подозрительный тип. Точнее, подозрительно, что подошел ко мне: такие ангелоподобные мальчишки, как правило, не замечают толстых и некрасивых тетенок.

– Вам куда донести? До машины? Меня Виктором зовут. А вас?

– Дуся.

Ладная фигура, дорогие шмотки, часы на запястье не из дешевых. Чего ему от меня надо?

– Дуся? Интересное имя. Нет, честно, интересное. Викторов много, а Дуся – одна. Представьте себе, я вам завидую.

Не представляю. Идиотская ситуация, и я совершенно не представляю, как поступить. Нагрубить? Пусть убирается прочь? Но он пока не сделал ничего дурного.

– Так которая из машин ваша? Чувствую, это тоже будет что-то особенное.

Действительно, особенное: в окружении новеньких или не очень новеньких, но ухоженных, отполированных до блеска, сияющих лаком и хромом иномарок папина «Волга» смотрелась чуждо.

– Ух ты, – Виктор бережно провел рукой по капоту. – Настоящая? И на ходу? Нет, честно, на ходу?

– Да.

Его восхищение было приятно, я пыталась убедить себя, что веры этому типу никакой, непонятно, откуда он появился, такой красивый и предупредительный. Альфонс? Любовь в обмен на деньги? И банк как способ познакомиться. Спросить в лоб?

Вместо этого я открыла багажник.

– Вы мне не доверяете, – сказал Виктор, укладывая пакет между ящиком с книгами и пустыми канистрами для воды. Никак не довезу до дачи, а выкинуть рука не подымается. И не поднимется, хотя теперь, наверное, на дачу я попаду не скоро.

– Вы считаете, что я караулил вас, чтобы познакомиться? Знаете, так оно и есть.

– Неужели?

– Действительно. – Он захлопнул крышку и, достав из кармана платок, вытер руки. – Действительно, ситуация глупейшая, но мне хотелось составить о вас непредвзятое впечатление, ну и, конечно, чтобы у вас такое же сложилось обо мне.

Чуть виноватая улыбка, чуть виноватый взгляд, легкий наклон – он все осознает и дает честное слово больше так не делать – Виктор знает, что обаятелен, и всю этим пользуется.

– Понимаете, Дуся, – доверчивое прикосновение к руке, от которого меня буквально парализует. Пальцы жесткие, сухие, шершавые. А у меня ладони вспотели, жарко. Сентябрь, а жарко. Вот ведь странность. – Понимаете, Дуся, – повторяет он, глядя в глаза. – Так уж получилось, что наши с вами интересы в некоторой степени пересеклись, точнее, ваши интересы затронули интересы моей хорошей знакомой, школьной подруги, и ее это ужасно расстроило.

– И кто из них – ваша подруга?

– Лизонька. Бедная Лиза... она переживает.

– Сочувствую.

– Не стоит. Нельзя быть хорошим для всех. Признаться, поначалу у меня были мысли не совсем хорошие... но, познакомившись с вами, я понял, что Лизонька несколько преувеличила.

– Что преувеличила?

Я не без сожаления стряхнула его пальцы со своей руки. А руку в карман спрятала, так, чтобы побороть искушение коснуться вновь. Я старая и некрасивая, а он, стервец этакий, просто голову дурит.

– Все. Абсолютно все. Вы обманули мои ожидания, милая Дуся.

Милой меня не называл даже Гарик.

– И я буду настаивать, чтобы в качестве компенсации вы меня подвезли. Лизонька не упоминала? Нет? Она просила меня побыть рядом, она очень нежная, ей нужна поддержка, вот я и... заодно знакомство продолжим, если вы не против.

Наверное, против, но вместо этого я ответила новому знакомому:

– Садитесь. Подвезу. А знакомство... будет желание, продолжим.

Алла

– Ну что, продолжим беседу? – спросил Яков Павлович, отступая от Дуси. Бог ты мой, как он на нее глядел пару минут назад! Не к добру это, ох не к добру. Но, честное слово, еще немного, и я поверю, что этот золотой божок и вправду способен творить чудеса. Игорь над ним трясся. И меня трясет, как вспомню тот скандал, который он мне закатил. Подумаешь, предложила продать. Ну так и давали прилично... хотя сейчас он в разы больше потянет. Миллион? Два? Три? Тринадцатый век, золото, скифы... или не скифы? Никогда не могла запомнить, но главное, что экспертное заключение имеется. Нет, прав был Игорек, что тогда не продал. И в корне не прав, что Дуське оставил.

А ведь Пта потянет едва ли не больше, чем фирма... а может, и еще больше. И почему такая мысль мне раньше в голову не приходила? Дура я. Полная дура, что не подумала! И что теперь?

Ничего. Думать надо, очень хорошо думать. Эта штука слишком дорога и уникальна, чтобы ее можно было просто стащить.

Дуся

Появление Виктора меня не обрадовало, появление Якова Павловича смутило. Чего ждать дальше? Наверное, допроса. Во всех фильмах сыщики начинают именно с допросов, недаром он про беседу сказал.

– Дуся, вы позволите взглянуть на кабинет Игоря Владиславовича? – вежливо попросил объект моих раздумий. И еще более вежливо добавил: – Там и поговорим. Наедине, если вы не против.

Против, против, против! Но мысли остались мыслями, и я ответила:

– Нет. Конечно.

– Тогда прошу... но вам придется показать, куда идти. Кстати, у дома интересная планировка.

– Обычная.

Гарик хотел такую. Он отказался от проекта с колоннами, от замка, от башни, от шато, от тысячи других домов, выбрав именно этот. Чем именно ему приглянулась коробка, которая даже в проекте выглядела унылой и серой, он объяснить не мог. И не хотел. Вложил деньги и получил желаемое.

Гарик всегда получал желаемое.

Я подымалась по лестнице, спиной ощущая внимательный и, кажется, вполне дружелюбный взгляд сыщика. И снова появилась глупая мыслишка, что он не желает мне зла, что он действительно будет разбираться и искать виноватого, а значит, поможет ответить на животрепещущий вопрос: кто.

Но они, мои заклятые подруги, надеются на иное. Я достаточно хорошо изучила их всех, чтобы понять – они заплатили Якову Павловичу, или заплатят, или найдут иной способ воздействия, но своего добьются. А значит, мне нужно бежать.

Куда? И как?

– Скажите, Дуся, – Яков Павлович коснулся локтя, – а каким он человеком был?

– Гарик?

Вопрос неожиданный и неуместный здесь, на лестнице между этажами.

– Игорь Владиславович Громов. Мне кажется, вы знали его лучше, чем они. Ко всему прочему, с ними тяжело разговаривать, понимаете?

Понимаю. Он даже представить себе не может, насколько я хорошо понимаю, только вот откровенничать с этим типом – увольте.

– Давайте я вам лучше кабинет покажу. Вы ведь этого хотели, верно?

– Сердитесь. Полагаете, я сунулся на запретную территорию? Нарушил покой вашей души и тишину воспоминаний?

Теперь он шел рядом и даже на полшага впереди. Высокий, смотрит сверху вниз с насмешкой, от которой я закипаю злостью. Я не умею злиться, вообще не умею, так бабушка говорила, а вот от его взгляда прямо-таки трясусь.

– Нам налево. Вон та дверь, черная.

Гарик любил выделиться, пусть и дверью – все прочие на этаже красно-коричневые, строгие, лакированные, а эта, единственная, – черная, обтянутая тусклой черной кожей.

– Ну надо же, – оценил находку Яков Павлович. – Откроете?

– Открою.

А дверь оказалась не заперта, и в кабинете у книжных полок в неестественно-напряженной позе стоял Виктор.

– Ой, добрый день! – обрадовался он. – А я вот заблудился немного. Гулял, гулял и заблудился. Дом большой очень.

– Действительно большой, – охотно согласился Яков Павлович. – А вы, молодой человек, недавно здесь, значит?

– Недавно. В гости приехал. К подруге детства. А что, нельзя?

– Можно, отчего нет. К друзьям ездить и можно и нужно. Только вот хозяйничать в чужих домах не рекомендуется.

– А я и не хозяйничаю. Я вообще случайно. Что, не верите?

Лично я не поверила, и, по-моему, Яков Павлович тоже. И Виктор прекрасно понял. Извинился, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Простите, – первым молчание нарушил Яков Павлович. – Некрасивая сцена получилась.

– Некрасивая.

Только почему-то стыдно было мне, это же я Виктора встретила, точнее, он меня подкараулил у банка, заговорил, задурил голову.

– Интересно, что ему здесь было нужно? – Яков Павлович обошел комнату по периметру, остановился у стола, потрогал гардины, бюст Наполеона, задержался у книжной полки, постучал по двери сейфа, выглянул в окно. Вероятно, в этих действиях имелся какой-то смысл, но от меня он скрыт. Наконец, сев в Гариково кресло, повернув монитор таким образом, чтобы он не разделял нас, Яков Павлович указал рукой на другое кресло, велел:

– Садитесь.

Он совершенно не походил на Гарика, но вот ведь странность – удивительным образом сумел вписаться в обстановку кабинета. Еще немного, и я сама поверю, что Яков Павлович имеет полное право находиться здесь и командовать мной.

– Так все-таки, Дуся, расскажите, каким он был.

– Не ваше дело!

– Мое, – совершенно спокойно заметил Яков Павлович. – И ваше в том числе. Пояснить? Его убили, Дуся. И он знал, что его собираются убить, вероятно, предполагал, кто это сделает, но почему-то не стал ни убегать, хотя имел такую возможность, ни защищаться. Зато почему-то выбрал глупейший вариант мести, даже не мести, скорее разбирательства, которое нельзя назвать честным. Да, вы предполагаете, что меня наняли с определенной целью. Это верно. Позиция моих клиентов по отношению к вам недвусмысленна.

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне нравится его слушать. Сидеть, откинувшись на спинку стула, и слушать. И дело не в голосе, а в самой манере говорить, вроде бы жестко, но в то же время спокойно, сдержанно и даже ласково.

– Поэтому чем больше я узнаю об Игоре Владиславовиче, чем скорее сумею понять его как человека, тем больше шансов у меня будет докопаться до правды. А поскольку от моих клиенток помощи ждать не приходится, я обращаюсь к вам как к человеку, который, во-первых, хорошо знал покойного, а во-вторых, находится в настоящий момент в неоднозначной ситуации. Я не хочу с вами воевать, я также не имею обыкновения фабриковать результаты расследования, я всего-навсего хочу нормально работать.

Ника

– Хотелось бы знать, о чем он с ней станет говорить? – Алка вслух произнесла то, что хотелось спросить и мне. Конечно, интересно, хотя и понятно. Втрескался. Вот так с ходу взял и втрескался в эту тварь и теперь станет ей помогать, а значит, офигенный Алкин план летит псу под хвост.

Не станет этот тип Дусю подставлять. Пожалеет. А вот меня никто никогда не жалел, и поэтому жизнь не сладилась, и тошно теперь, прямо с утра просыпаешься – и тошно. Только коньячок тошноту гасит.

– Лиза, зачем этот молодой человек появился в доме?

– Захотел и появился, – огрызнулась Лизхен. Вот тебе и тихоня, одуванчик в шали, молчала, молчала и стукнула Алку по носу. – Я имею полное право на этот дом.

– На одну шестую, – уточнила Ильве.

– Думаешь, он Дусю соблазнит и дорвется до Игоревых денег?

– Девочки, не ссорьтесь, пожалуйста, – заскулила Топа.

Надо же, а мысль-то здравая. У Алки, хоть и стерва, всегда мысли здравые. Как это я сама не додумалась? А Лизок подсуежилась, сунула мальчика-красавчика Дусеньке. Та обязательно растает. Мальчик-то хорош, против такого сахарного ангелочка ни одна баба не устоит. Хотя... Дуська ж ненормальная, утонченная, может, и не выйдет?

Или выйдет? А если и мне попробовать? Ну, не совсем чтоб мне, но к Арсенчику обратиться, у него на примете не только бабы имеются, пусть подсватает кого... нет, не идет, Арсен мигом прочухает выгоду. Арсен делиться не любит, зато любит устранять конкурентов. А значит, надо думать... да, самой думать... только голова тяжелая, и потому мысли не ворочаются, просветлить бы, но коньяку на самом дне осталось, и эти, стоит фляжку достать, станут глядеть как на алкоголичку. А я не алкоголичка, мне просто в жизни не везло, меня никто не любит.

И не жалеет. Да, именно так, не любит и не жалеет. Ну их всех к бесам, вот она, моя фляжечка...

– Че вылупились? О деле лучше думайте. Этот ваш... сыщик... сам небось на бабки нацелился.

Дуся

Этот взгляд, нацеленный на меня, не оставлял возможности соврать или отказаться.

– Итак, позволю себе снова побеспокоить вас все тем же вопросом. Что собой представлял Громов? Каким человеком он был?

Разным. Наверное, это самая главная его характеристика. Громов был человеком настроения, переменчивым, как весенняя погода.

– Давайте-ка с самого начала. Где и когда вы с ним познакомились?

– В доме. Новый дом, построенный по спецпроекту, мои родители получили квартиру, и Игорева тоже. Одна лестничная площадка.

На ней коврик, красный с зеленым бордюром, и кресло, в котором Владислав Антонович любит отдыхать. Кресло стоит на площадке между лестничными пролетами, у окна, которое летом не закрывается вовсе, а весной, зимой и осенью открывается дважды в день, чтобы выветрить стойкий сигаретный дух. Владислав Антонович много курит, а его жена, Гарикова мама, этого не любит. Отсюда кресло и постоянные вялые ссоры с соседями по поводу его уместности в доме высокой культуры и быта. Еще на лестнице вазоны с цветами, которые мне нужно поливать дважды в месяц – в первый понедельник и в третий четверг, график дежурств тут же, на стене. Но я поливаю еще и во второй понедельник, и во второй четверг – Гарик просил, Гарик сказал, что ему несолидно с цветами возиться, а я согласилась. Я его люблю, но никому-никому об этом не скажу, стыдно.

И в моем возрасте влюбляться несерьезно, так сказал Владислав Антонович, растирая очередной окурок. И бабушка вечером подтвердила его слова долгой и нудной лекцией о том, как надлежит вести себя приличной девушке в обществе сомнительных юношей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.